

Наталья Александрова

Слеза Бога

Роковой артефакт

Наталья Александрова

Слеза Бога

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Слеза Бога / Н. Н. Александрова — «Издательство АСТ»,
2023 — (Роковой артефакт)

ISBN 978-5-17-157875-6

Согласно древней легенде, когда Эа, отец богов, потерял возлюбленную супругу, он заплакал кровавыми слезами. И там, где они падали на землю, появлялись дети его, великие боги. Но одна слеза превратилась в камень, а на месте ее падения возник великий Вавилон. На протяжении тридцати веков потомки гордых вавилонян хранили от посторонних глаз Слезу Бога, ведь в этом камне было заключено древнее могущество, и тот, кто овладеет им, – овладеет всем миром. В наши дни случай сводит вместе питерскую переводчицу Юлию и бизнесмена Ивана, несправедливо обвиненного в убийстве жены. Объединив усилия в поисках настоящего преступника, они, сами того не желая, прикоснулись к тайне загадочного артефакта... Ранее книга издавалась под названием «Звезда Ассирийского царя»

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-157875-6

© Александрова Н. Н., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Наталья Александрова

Слеза Бога

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Оформление Анастасии Орловой.

Ранее книга издавалась под названием «Звезда Ассирийского царя».

© Н. Александрова, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

– Спасибо! – Юлия из последних сил улыбнулась таксисту и достала кошелек. – Вы меня очень выручили...

– Да что там. – Он поставил чемодан перед дверью, прислонил к нему сложенную коляску, рядом шлепнул сумку. – Ну вот, вроде все...

Ежик сонно засопел у Юли на плече, она поудобнее перехватила его, неловко, одной рукой вытащила из кошелька деньги, пересчитала и растерянно проговорила:

– Ой, у меня только восемьсот...

– Да ладно, все нормально. – Таксист приглушил голос, чтобы не разбудить ребенка.

– Как же? По счетчику и то восемьсот двадцать, а надо же еще сверху что-то добавить, вы же мне так помогли...

– Пусть будет восемьсот. Двадцатка – это не деньги, а помог я вам чисто по-человечески. У самого двое оглоедов. Ладно, я пошел, у меня следующий вызов! – И он загремел ботинками вниз по лестнице, разбудив гулкое ночное эхо.

– Спасибо! – негромко, чтобы не побеспокоить Ежика, крикнула Юля вслед, достала ключи и вставила в скважину.

Ключ провернулся как-то неловко, с сопротивлением – должно быть, потому, что она действовала левой рукой, но дверь все же открыла, включила свет в прихожей и огляделась в поисках скамеечки. Та всегда стояла возле самой двери, чтобы можно было усадить Ежика, но сейчас на привычном месте ее не оказалось. Юля нахмурилась, пытаясь вспомнить, не переставила ли скамейку перед отъездом, и тут у нее появилось странное, непривычное и пугающее чувство, что в квартире кто-то есть, кроме них с Ежиком.

Она попыталась подавить нарастающий страх, избавиться от него. Чушь какая! Никого здесь нет. Просто устала с дороги, да еще три часа ночи – самое тяжелое, самое мрачное время суток: не поймешь, то ли очень поздно, то ли уже рано... И в эту минуту увидела возле порога огромные мужские ботинки, наверное, сорок пятого размера.

Юля охнула, прижалась спиной к двери... но тут же взяла себя в руки, закусил губу. Она не может поддаться панике, у нее на руках Ежик – в самом что ни на есть буквальном смысле слова. Она зажмурилась, пытаясь убедить себя, что эти ботинки ей привиделись. Чего не увидишь в три часа, да еще после такого трудного перелета? Самолет был полон маленьких детей, которые плакали, кричали, бегали по проходу. Их родители к концу полета буквально озверели, экипаж тоже. Немудрено, что ей мерещится всякое.

Она открыла глаза и робко, испуганно взглянула на пол. Ботинки стояли на прежнем месте. Здоровенные ботинки на толстой рубчатой подошве.

Ежик зашевелился и сонно забормотал.

– Спи, маленький! – заворковала Юля, двинувшись к своей комнате... но тут вторая дверь, которую она никогда не открывала, со скрипом отворилась, и на пороге появилось страшное существо, какое могло привидеться только в ночном кошмаре.

Это был огромный мужик в сползающих трусах и замызганной рубашке, с красным опухшим лицом, маленькими и тоже красными глазами, с трехдневной щетиной на подбородке и всклокоченными сальными волосами. На лбу блестели мелкие капли пота, а сам он тяжело дышал, как будто только что пробежал несколько километров, – видно, был здорово пьян. Мужик уставился на Юлю таким страшным взглядом, словно решал насущный вопрос – съест ее живьем или сначала убить.

В первое мгновение Юлия окаменела от ужаса, но потом осознала, что у нее на руках спящий ребенок, а значит, она не может позволить себе трусость и слабость, она должна действовать. Чудовище пока не нападало: видимо, обдумывало план действий. Значит, у нее есть немного времени, и этим временем нужно воспользоваться.

Трясущейся рукой Юля вытащила из кармана мобильник. Она помнила, что на какой-то лекции по безопасности говорили: в самом крайнем, безвыходном случае нужно вызывать не полицию, а пожарных – они приедут быстрее. Нажала кнопку... и с ужасом увидела черный дисплей. Чертов мобильник разрядился. Батарейка уже давно плохо держала заряд, нужно было ее поменять, но, как всегда, не хватало денег. И вот теперь она осталась один на один с каким-то пьяным бандитом...

Правда, бандит почему-то не спешил нападал, а вместо этого прохрипел жутким голосом:

– Ты кто?

– Вот интересно, – отозвалась Юля, стараясь не показать свой ужас. – Он еще спрашивает! Это ты кто? Откуда взялся? Как попал в квартиру?

– Я-то? – громила заморгал. – Я-то здесь живу. А вот ты кто такая?

– Живешь? – переспросила Юля. – Как это – живешь?

– Очень просто! Снял комнату у хозяйки и живу...

– Ах, у хозяйки?!

До Юлии наконец стала доходить правда. Может быть, не такая ужасная, как она вообразила в первый момент. Их с Ежиком не убьют, по крайней мере, прямо сейчас. Это свекровь, старая зараза, решила окончательно испортить ей и без того нелегкую жизнь и сдала комнату какому-то алкашу и, судя по виду, уголовнику. Так что Юлю ожидает светлое и радостное будущее в одной квартире с этим венцом творенья.

Венец творенья между тем покачнулся и ухватился за притолоку, чтобы сохранить равновесие.

Ну да, пьян как сапожник. Сволочь свекровь!

Ежик снова пошевелился и забормотал во сне что-то невнятное.

Ладно, сейчас не время предаваться трагическим мыслям. Нужно уложить ребенка, а там будет видно... Она поудобнее перехватила Ежика, свободной рукой вцепилась в чемодан – теперь нельзя ни на минуту оставлять вещи без присмотра! – и двинулась к своей двери, спиной чувствуя взгляд нового незваного соседа.

В ее комнате был относительный порядок – какой оставила, уезжая на две недели, только пыль появилась, да еще душновато.

Юлия плюхнула Ежика в детскую кроватку прямо в одежде, только ботиночки сняла. Он потянулся и вздохнул облегченно – намучился в самолете, на посадке уши заложило, он плакал, а в такси заснул. Так что теперь сладко причмокнул, оказавшись в знакомой кроватке, повернулся на бок и положил руку под щечку. А второй пошарил в поисках медведя.

Спального медведя они брали с собой, Ежик сказал, что мишке хочется посмотреть на море. А на самом деле ему не хотелось расставаться с любимой игрушкой. Да что там игрушка,

Ежик говорил, что медведь – его самый близкий друг. «А я?» – спросила тогда Юля. «Ты тоже», – ответил Ежик, и у нее привычно защемило сердце: у сына нет друзей, ему недоступны шумные игры, бег, прыжки, велосипед. И еще много всего.

Юлия тотчас велела себе не расслабляться – она уже давно решила, что не может себе этого позволить. Не в ее положении лить слезы и жаловаться на судьбу, тем более что жаловаться некому. Вот именно. У нее не было никого, кроме Ежика, а что еще хуже, у Ежика не было никого, кроме мамы. Отец? Юлия горько поморщилась. Бабушки-дедушки? Мать Юли умерла, когда той было пятнадцать лет, отец женился снова. Юля его не осуждала, тем более жена ему попалась неплохая и к падчерице вроде относилась хорошо, ровно... Но никогда не забыть ей радость на лице мачехи, когда она узнала, что Юля уезжает учиться в Петербург.

Была у Ежика еще одна бабушка – вот эта ведьма, которая отняла у Юли остатки спокойной жизни. Как теперь жить, если в коридор не выйти? И на кухне этот урод устроит черт-те что, и в туалете небось блевать будет каждый вечер... Юлия почувствовала, как душу заливают холодная неуправляемая ярость, которая заглушила здравый смысл и терпение.

Дрожащими руками она принялась тыкать в кнопки телефона. Что такое? Вообще нет гудка! Сломался, что ли? Или этот монстр его сломал? Так, попробуем еще раз. Сжав зубы, заставила себя успокоиться и не торопясь набрала номер свекрови. Слава богу, раздалась длинные гудки. Ночь на дворе, эта зараза наверняка спит и совесть ее не беспокоит!

Наконец трубку сняли.

– Тамара Степановна? – Юлия постаралась, чтобы голос ее звучал по возможности твердо.

– Какая еще Степановна? – заревели на том конце разбуженным медведем. – Ты, такая-сякая, на часы смотрела? Три часа ночи, а она Степановну ищет!

– Извините, – сконфуженно пробормотала Юлия, – я ошиблась номером...

И вместо того чтобы повесить трубку, выслушала зачем-то, где и в каком виде невольный собеседник хотел бы видеть ее саму, неизвестную Тамару Степановну, а также всех Юлиных родственников по материнской линии.

Как ни странно, этот разговор помог, Юлия немного пришла в себя и номер свекрови набрала недрогнувшей рукой. Трубку там сняли сразу же! Не спит, знает, что самолет ночью прилетает, будильник, наверное, поставила!

– Что это значит? – холодно спросила Юлия, не утруждая себя приветствием.

У них были такие отношения, что желать друг другу здоровья при встрече они давно уже перестали. Она, Юлия, столько мерзостей выслушала от этой женщины – надолго хватит, может быть, навсегда.

– Ах, это ты... – протянула свекровь.

Как всегда, при звуке этого голоса Юлия почувствовала, что привычная холодная ярость усилилась втрое. Как эта женщина ее ненавидит! Сколько лет жизни отняла своей немотивированной злобой и ненавистью! Как будто мало горя и беды свалилось на голову Юли, так еще эта...

– Не притворяйтесь, что удивлены моим звонком, – отчеканила она, – повторяю вопрос: что это значит? Для чего вы привели в квартиру этого уловника?

– Не привела, а сдала ему комнату! – визгливо заорала свекровь. – Это ты мужиков водишь, а я не привела, а сдала ему комнату! Все законно, через агентство!

И ведь знала же прекрасно, что никаких мужиков Юлия не водит – куда ей, с больным-то ребенком. Единственный мужчина, который их посещает более-менее регулярно, – массажист Сережа. Это когда деньги есть, а когда нет, то Юля сама Ежику делает массаж, тот же Сережа по доброте душевной обучил ее кое-каким приемам.

– Вы не имели права так делать без моего согласия. – Юлия говорила тихо, чтобы не разбудить Ежика.

– Я? – теперь свекровь визжала уже в ультрадиапазоне, так что у Юли едва не лопались барабанные перепонки. – Я не имела права? Это у тебя нет никаких прав на мою квартиру! Это ты обманом там поселилась! И своего... – Она как всегда назвала Ежика неприличным словом, зная, что Юля этого не вынесет.

Нарочно провоцирует, ведьма старая. Один раз в лицо такое сказала, так Юля, себя не помня, на нее бросилась, хорошо Лешка оттащил. А свекровь уже собралась побори зафиксировать да в суд на Юлю подавать, чтобы ее выселили или вообще посадили. Тогда обошлось, а потом уж Юля себя в руках держала, старалась к свекрови вообще не подходить.

Сейчас Юля промолчала, сжав зубы, и свекровь продолжала победным тоном:

– Квартира – моя, что хочу, то и делаю! Жильца поселила, потому что денег хоть сколько хочу получить! Я – пенсионерка, мне денег за интимные услуги никто не платит!

«Мне тоже», – подумала Юля, а свекровь разочарованно хрюкнула, она-то надеялась, что у них будет скандал по телефону.

– В общем, он будет жить сколько я пожелаю, а если узнаю, что ты на него жаловалась или еще что удумала, то вообще семью гастарбайтеров вселю! Человек шесть! Будут по ночам песни петь и шашлык на кухне жарить!

– Мне-то что, квартира не моя... – фыркнула Юлия.

Свекровь, надо думать, и сама сообразила, что угрозы ее бессмысленны – после таких жильцов квартира рухнет, никакой ремонт не спасет. Она собралась заорать что-то вовсе уж несусветное, но Юля быстро отключилась, да еще выдернула телефонный шнур из розетки, чтобы ведьма не позвонила и не разбудила Ежика.

Тихонько, на цыпочках Юля проскочила в ванную. Там было относительно чисто. Ага, не успел еще загадить. И на кухне все было как прежде. Стало быть, этот алкаш сразу как пришел – так и завалился спать. И за что ей все это?

Улегшись в постель, она подумала: по сравнению с тем, что уже случилось, этот алкаш не самое страшное. То есть неприятностей он, конечно, добавит, но переживет как-нибудь, в крайнем случае полицию вызовет. Хоть свекровь и орет, что квартира ее, у Юлии, как одинокой матери с ребенком-инвалидом, есть кое-какие права. Оттого-то свекровь и злится, что никак не может их из квартиры выжить.

Юля вытянулась поудобнее на старом продавленном диване. Пружины негодующе заскрипели. Это опять-таки свекровь подсуетилась – как-то, когда Юля с ребенком лежали в больнице, приехала и вывезла всю приличную мебель, которую они с мужем покупали. Юля вернулась – глазам своим не поверила: остались только кроватка Ежика да стол письменный. Месяц она спала на раскладушке, пока соседка сверху не отдала этот диван. Место ему на помойке, ну да все лучше, чем ничего.

За окном проехала машина, светя фарами, кто-то хлопнул дверью подъезда. Нужно спать, четвертый час ночи. Завтра будет тяжелый день. Но сон не шел. И против воли в голову лезли мысли. Все те же самые: о том, как она дошла до такой жизни и что с ней будет дальше.

В университет удалось поступить довольно легко – отец оплатил первый семестр, а потом Юля сдала все на пятерки и перевелась на бесплатное отделение. Она вообще хорошо училась, языки давались ей легко. Отец присылал деньги, которых хватало на то, чтобы снимать квартиру, на одежду и на еду. На развлечения Юля зарабатывала сама – на выборах, на распродажах, на всяческих опросах. Иногда преподаватель приглашал их с подругами переводить.

Однажды на банкете в ресторане по поводу закрытия какой-то выставки Юля переводила для одного канадца. Его переводчица отказалась, поскольку канадец все время вставлял в английскую речь французские выражения, у Юли же второй язык был французский. Вот в этом самом ресторане она и познакомилась с Лешей. Будь проклят тот день или вечер, когда это случилось! Нужно было послать его подальше сразу же. Или потом, когда через несколько

месяцев он пригласил ее к себе домой на какое-то сборище родственников. Юля смутно помнит подвыпившего дядьку, который хлопал ее по плечу и говорил, что она им подходит.

Нужно было бежать оттуда, как только она увидела поджатые губы тогда еще будущей свекрови. Юля же только посмеивалась про себя, так как не собиралась связывать с Лешкой свою жизнь. Она вообще не собиралась замуж, желая сделать карьеру, а семья, дети – это подождет.

Удалось устроиться в приличную фирму референтом, рекомендовал знакомый преподаватель. Они и встречались-то с Лешей нечасто. И вдруг она забеременела. Видит бог, она старалась не пускать дело на самотек, но врач очень не советовал прерывать беременность, может быть опасно. Пришлось поставить Алексея перед фактом. На женитьбу он согласился удивительно легко, и Юлия убедила себя, что ошибалась в нем. Вовсе он не поверхностный и легкомысленный, а добрый, честный и ответственный. Так ей казалось тогда. Они поженились, и даже свекровь на свадьбе улыбалась в объектив фотоаппарата.

Эта квартира была куплена для Алексея, но на имя свекрови, чтобы он потом не отдал какой-нибудь приبلудной девке – так свекровь говорила, нисколько не стесняясь. Однако, когда родился ребенок, пришлось прописать туда Юлю.

Юлия не заметила, как задремала, а проснулась от жуткого грохота. Там, в Турции, был как-то шторм, всю ночь гремела гроза, и Ежик жутко плакал у нее в объятиях. Сейчас Юля в ужасе вскочила – что с ребенком? Но Ежик крепко спал в своей кровати, улыбаясь во сне.

За окном занимался серенький рассвет. Надо же, а она думала, что совсем не спала. Снова послышался шум – что-то упало и покатилося со звоном. Не помня себя от злости, Юля выскочила в коридор, не зажигая света, пробежала на кухню и едва не споткнулась о тело на полу.

– Начинается! – простонала она, нашарив на стене выключатель.

Алкаш полулежал, прислонившись к холодильнику. Рядом была лужа, в которой валялись осколки стакана.

– Так... – сказала Юля, – так...

При звуке ее голоса, а скорее всего от яркого света, он очнулся и поднял голову. Лицо было малинового цвета, в мутных глазах никакого выражения.

– Ты чего это развалился? – прошипела Юля негромко, чтобы не проснулся ребенок. – А ну вали в свою комнату и сиди там, пока не проспидишься!

Он помотал головой, словно старался избавиться от назойливой мухи, но Юле уже надоело бояться. Она схватила с гвоздя тяжелую поварешку и наклонилась ближе.

– А ну вставай! Пошел к себе!

Пошевелившись, он неловко махнул рукой, Юлия шарахнулась в сторону, но споткнулась о его длинные ноги и плюхнулась рядом в лужу, хорошо хоть об осколки не порезалась. А оказавшись так близко, обнаружила две вещи. Во-первых, от мужика не пахло перегаром. Потом, нестиранным бельем, неустроенностью, немытым телом – да. Но не перегаром. И во-вторых, от него несло жаром, как от раскаленной печки. На лбу застыли капли пота.

– Ира... – забормотал он, – Ира... Зачем ты это сделала? Для чего? Разве нельзя было иначе?

– Еще и Ира на мою голову. Мало мне своих заморочек! – вздохнула Юлия и наклонилась ближе. – Эй! Какая я тебе Ира? Вот и шел бы к ней, к Ире своей.

Он не ответил, только забормотал что-то быстро и неразборчиво. Голос был тихий и какой-то горячечный.

– Эй! – Она легонько потрясла его за плечо, вернее только хотела это сделать, но ничего не вышло: мужик был крупный, все у него было большое – ноги, руки, широченные плечи, большая голова на крепкой шее, всего его было много для маленькой кухни обычной двухкомнатной квартиры.

На ее толчки он никак не реагировал – просто сидел, свесив голову набок, и дышал хрипло, с присвистом.

«Да у него жар, он болен», – сообразила наконец Юлия и тут же впала в панику: вдруг это заразное? Ежик подвержен любой инфекции, он очень слабенький, а тут еще перемена климата. Он и так всегда по приезде сопливится и кашляет.

Она встала и вытерла лужу на полу, едва не порезавшись осколками стакана. От этого типа по-прежнему несло жаром, как от печки. Теперь с него больше не капал пот, лицо было красным, губы потрескались. Что делать?

– Эй! – Она помахала перед ним растопыренной ладонью и, когда он никак не отреагировал, поняла, что мужик без сознания.

Не дай бог, помрет прямо тут, на полу в кухне... что она будет делать? И Ежик скоро проснется. Нужно вызвать «Скорую». Но когда она еще приедет, а вдруг у этого типа не болезнь, а ломка? Тогда врачи только обругают.

Тип, которого привела свекровь (чтоб ей на том свете досталась пригорелая сковородка!) пошевелился и захрипел. Совершенно машинально Юлия намочила кухонное полотенце и протерла ему лицо. На полотенце остались бурые разводы – да, похоже, не мылся он неделю. А может, и больше. Холодная вода, однако, оказала свое действие, он поднял голову и открыл глаза.

– Где я?

Юлия с трудом разобрала его полусшепот и усмехнулась:

– Хороший вопрос. Ты говорил, что комнату здесь снял. Помнишь, кто тебя сюда привел?

– Жаба, – неожиданно четко произнес он.

«Точно, свекровь – вылитая жаба!»

Юле стало смешно, а когда он снова закашлялся, неожиданно для себя по-свойски спросила:

– Слушай, ты болеешь или отходняк у тебя?

И тут же удивилась – какое ей дело? Хотя если он заразный...

– Жарко... – он прислушался к себе, – и голова болит.

– Так, наверное, температура. – Она уже совала ему градусник, который держала в ящике кухонного стола, чтобы Ежик не отыскал в комнате и не разбил.

– Не пью я и не колюсь... – прохрипел мужик, – видно, в поезде прохватило...

– Тридцать девять и шесть! Тебе в больницу надо!

– Не надо, отлежусь... Это пройдет...

– Тогда иди в свою комнату! – крикнула Юлия. – Некогда мне с тобой возиться!

– Дай попить... – тихо и жалобно сказал он и посмотрел на нее снизу вверх.

В глазах не было мутной накипи, теперь это были просто очень больные глаза с многочисленными красными прожилками. Она дала ему воды – из бутылки, что оставалась в холодильнике. Больше там не было ничего. Юля и холодильник-то отключила, уезжая на море.

Очевидно, свекровь пыталась придать квартире жилой вид, чтобы произвести впечатление на жильца, – полотенце вон чистое повесила, холодильник включила.

Допив воду, мужчина с большим трудом поднялся и побрел по коридору, неуверенно переставляя ноги и держась за стену. Юля открыла на кухне форточку и пошла было к себе, но по дороге решила все же заглянуть в Лешкину комнату, где теперь располагался этот тип.

Комната была небольшой, и половину ее занимала двуспальная кровать: свекровь подарила на свадьбу, но затем перетащила в эту комнату, не в силах смириться с мыслью, Юля будет спать на ней после развода.

Этот несурзанный тип лежал на кровати по диагонали, но был такой большой, что в длину не помещался. Что-то в нем Юле не понравилось: уж слишком расслабленной и неживой была поза. Она испугалась, что жилец отдал концы. Представила, как позвонит в полицию, как они

приедут, будут шуметь, натопчут, испугают Ежика, как раскроют все двери, и соседи будут толпиться на площадке... Единственный приятный момент – Юля тут же сдаст им свекровь, скажет, что это ее знакомый, которого она привела и поселила в квартире. Старая ведьма все врет, что сдала комнату через агентство, да такого жуткого мужика ни одно агентство рекомендовать не станет! И свекровь затаскают. А если он еще и беглый уголовник, то мало ей не покажется.

Юля сделала шаг назад, но тут же опомнилась. А если он и вправду помрет, у нее будет больше неприятностей, чем у свекрови! Ведьма-то отмажется, а ее будут вызывать на допросы, протоколы разные подписывать. А ей Ежика не с кем оставить.

Тип, что свалился на ее голову, пошевелился и мучительно застонал. Она осторожно потрогала его пылающий лоб: похоже, уже все сорок градусов. Воротник рубашки был совершенно мокрый от пота. Нет, надо дать ему жаропонижающее, иначе точно очокурится прямо здесь.

Уж чего-чего, а лекарств в доме было предостаточно. Правда, все больше детские. Решив, что такому огромному нужна не одна таблетка жаропонижающего, а минимум две, Юля ошутимо хлопнула его по щеке. Он открыл глаза, уставился на нее удивленно, а затем без слов проглотил таблетки, и даже воду не пролил.

От рубашки невыносимо несло потом. Юля открыла встроенный шкаф, который тоже отошел к бывшему мужу, хотя она лично его заказала и оплатила из своей зарплаты, где валялись всякие ненужные Лешке вещи – старые джинсы и футболки, растянутый на локтях свитер, непарные носки. Она нашла футболку почище и усмехнулась: да, Лешка по сравнению с этим громилкой мелковат будет. Ну, это дело поправимое. Ножницы нашлись на кухне, Юля все опасные предметы держала там, вдали от сына.

Процесс переодевания прошел легко – не открывая глаз, тип сел и поднял руки, после чего Юля вышла, брезгливо неся рубашку за пуговицу. Хорошо бы ее выбросить, но у этого типа не было никаких вещей, что, несомненно, говорило не в его пользу. Но какова свекровь! Это же надо так ненавидеть невестку, чтобы сознательно привести в дом такого подозрительного типа!

Стирать рубашку в машине вместе с детскими вещами она ни за что не станет – еще чего не хватало! Неизвестно, по каким помойкам этот тип шатался, где ночевал! Но и оставить ее грязной было нельзя – уж больно воняла. Юлия бросила рубашку в таз и залила горячей водой. Вода стала бурой. От простой грязи такого не бывает. Преодолевая отвращение, она перевернула рубашку. Ну да, вот пятна. И это не что иное, как кровь. Почему-то Юля не сомневалась, что кровь человеческая.

Вот так вот. Приплыли. Как он сказал? Не пьет, не колется. Ага, только людей убивает. Вот отчего он не в себе – нелегко небось человека жизни лишить. Хотя, может, для него это дело привычное. И свекровь, эта зараза, спокойно привела в дом убийцу! А может, он маньяк?

Юлия содрогнулась, представив, как эти огромные руки смыкаются на горле жертвы. Что делать? Звонить в полицию? Но что она им скажет? Нужно хоть узнать, кто это такой. Может он в розыске?

Юлия крадучись пробралась в Лешкину комнату. Пиджак незваного гостя висел на спинке стула, рядом валялись брюки. Пиджак был мятый и грязный, но, как с удивлением отметила Юлия, вполне приличный. То есть раньше был приличный. Ткань хорошая, дорогая. Украл, значит. Или с жертвы снял. Хотя... такому крупному мужику небось все на заказ шить приходится.

Левая пола пиджака была испачкана плохо отмытой кровью. Юлия уже перестала удивляться, твердой рукой обшарила карманы и вытащила из внутреннего паспорт.

Значит, зовут его Чумаков Иван Михайлович, тридцать семь лет, прописка... город Ченегда. Где это? Впрочем, все равно. Ясно только, что не местный.

С фотографии на Юлию смотрело вполне обычное лицо: не то чтобы красивое, но взгляд прямой, открытый, между бровей упрямая складка, волосы хорошие... черты хоть и неправильные, но все вместе создавало определенный эффект. Да полно, тот ли это человек? Может, он этот паспорт украл? Или убил его владельца?.. Господи, ну за что ей все это?

Тут послышался плач Ежика, и Юля испуганной серной скакнула к двери, едва успев сунуть паспорт в карман пиджака.

Иван поднялся на крыльцо и дернул за ручку двери. Дверь была не заперта.

Ну да, когда он выбежал из дома, то просто с грохотом захлопнул ее. Он был тогда так взбешен, что ни о чем не думал, ничего не видел и не слышал, глаза застилал клокочущий багровый туман, кровь стучала в ушах, как будто там лупили в свои барабаны сумасшедшие барабанщики. Но холодный осенний ветер отрезвил его, и, походив часа два по пустынным улицам, Иван пришел в себя и немного успокоился. Он понял, что с Ириной нужно поговорить по-другому. Все же они прожили вместе достаточно долго, нельзя в одночасье перечеркивать все то, что было между ними.

Он помедлил на крыльце, не решаясь войти и продолжить этот тяжелый разговор, как вдруг почувствовал спиной чей-то взгляд, а обернувшись, успел увидеть, как качнулась занавеска на окне соседнего дома. Ну, конечно, это теща его соседа Тихомирова, старая мегера, на своем боевом посту. Вечно она подглядывает, подслушивает, наблюдает за чужой жизнью. Лучше бы телевизор смотрела!

Иван нахмурился, вошел в дом, закрыл за собой дверь. И опять замер в нерешительности. В доме что-то было не так. Что-то изменилось с тех пор, как он ушел, точнее – убежал отсюда. Убежал, чтобы не наломать дров, не сделать что-нибудь ужасное, непоправимое... Убежал, чтобы не видеть лживых глаз жены, не слышать ее фальшивого голоса, ее искусственной истерики.

Она нарочно накручивала себя, желая увести разговор в сторону: надо разрыдаться, забиться головой о стену, чтобы он, забыв все на свете, пытался ее успокоить, подавал ей воду, а она бы отводила его руку, отмахивалась, и, в конце концов, он отступится и будет мечтать только об одном – чтобы все это закончилось, чтобы она замолчала и заснула и он больше не слышал этого фальшивого голоса, который ввинчивался в мозг, и был рад хоть небольшой передышке.

Так уже бывало не раз, а в последние месяцы – все чаще. Но сегодня он смотрел на жену другими глазами и понял, что она все делает нарочно. Чтобы он не задавал вопросов.

Иван прислушался. В доме царил тишина. Такая, которая бывает только в пустом, безлюдном жилище, оставленном обитателями. Может быть, Ирина ушла? Уехала?

В нем снова начала закипать злость. Он вспомнил тот телефонный звонок, с которого все началось, вспомнил тихий вкрадчивый голос Александры... ну надо же, они с Ирой много лет были лучшими подругами, и вдруг – такое! Правду говорят, сделать подруге гадость – большая радость! Не могу, говорит, видеть спокойно, как тебя обманывают, ты, Ваня, этого не заслуживаешь! И он, как полный дурак, слушал эту стерву! Это ужасно, но ее слова ложились на благодатную почву. Потому что уже несколько месяцев он замечал, что с Ириной что-то не то, она стала совсем другой. И объяснить это можно было только одной причиной – у нее любовник.

Иван придавил в себе ростки гнева, тяжело топая, прошел через холл и поднялся по лестнице. В доме что-то определенно изменилось, и запах... какой-то странный запах, сладковатый и тревожный, отдаленно напоминающий запах перестоявших в вазе, гнивающих цветов...

С растущим в душе беспокойством он открыл первую дверь. За ней – никого, только мрачная, настороженная пустота. Сделал еще несколько шагов, толкнул вторую дверь, дверь

спальни. Ирина лежала в кровати, отвернувшись лицом к стене. Должно быть, прилегла отдохнуть после той безобразной ссоры и сама не заметила, как заснула.

При виде ее незащитного затылка в светлых завитках волос Иван почувствовал щемящую жалость и нежность. К нему словно вернулось прошлое. Он вспомнил их первую встречу, вспомнил первый поцелуй, запах ее кожи...

Запах.

Тот запах, который беспокоил его от самых дверей, здесь стал просто невыносимым.

Иван в два шага пересек комнату, склонился над Ириной и окликнул ее.

Она не шелохнулась. Даже легкое шелковое одеяло, которым она была накрыта по самое горло, не колыхалось от ее дыхания.

Ивану стало страшно, но он еще не верил себе. Положив руку на плечо жены, снова позвал ее по имени – но и на этот раз она не отозвалась, не откликнулась ни единым движением. Тогда он осторожно потянул ее за плечо, повернул к себе, отгибая край одеяла...

И с трудом сдержал крик.

Глаза Ирины были широко открыты. В них навсегда застыло выражение удивления и ужаса. А вся грудь была залита темно-красным. Вот что это был за запах – сладковатый, одурачивающий, страшный запах крови...

Иван попытался нащупать пульс на шее жены, но, увидев страшную рану на груди, понял, что ей уже ничем не поможешь.

– Что с тобой... что с тобой сделали... – пролепетал Иван, обхватил жену и прижал к себе. – Что с тобой сделали...

Потом в его голове что-то сместилось, словно кто-то щелкнул выключателем, и он произнес другой, куда более важный вопрос:

– Кто?! Кто это с тобой сделал?

Глаза снова застлала красная пелена гнева. Он зашарил руками по постели, сам не зная, что хочет найти, как вдруг в его руке оказалось что-то твердое и холодное. С трудом сфокусировав взгляд, он разглядел нож. Острый как бритва нож с перламутровой рукояткой.

Внезапно краем глаза Иван заметил в комнате какое-то движение, сжал нож и обернулся. На какой-то безумный миг ему почудилось, что тот, кто сделал это с Ириной, все еще здесь, и ненависть придала ему чудовищные силы. Он был готов разорвать убийцу собственными руками...

Но это было всего лишь его собственное отражение в зеркальной дверце платяного шкафа.

Иван увидел себя со стороны – и ужаснулся.

Окровавленная одежда, перекошенное, страшное, полное гнева и ужаса лицо, кровь на руках, а в правой руке – окровавленный нож...

В эту минуту послышался приближающийся звук полицейской сирены.

В первый момент он почувствовал какое-то странное облегчение: сейчас сюда придут люди, для которых все произошедшее – обычное, будничное дело. Они начнут все тут осматривать, задавать вопросы, и тем самым случившийся ужас как-то сникнет, отойдет на второй план, утратит свою невыносимую реальность. А самое главное – ему больше не нужно будет ни о чем думать.

Но тут он снова увидел свое отражение в зеркале, увидел их глазами, холодными и безразличными, и тут же понял, что они подумают. Да нет, не подумают, у них не будет никаких сомнений, что все это – его рук дело. Особенно если поговорят с тещей соседа и та со сладострастным удовольствием расскажет об их ссоре... плюс к этому – вся комната в его кровавых отпечатках, и нож...

«Ну и пусть, – подумал Иван обреченно. – Пусть меня арестуют. Пусть посадят. Все равно я не смогу больше жить так, как прежде, после этого... пусть все кончится, только бы скорее».

Но тут же в голове зазвучал другой голос – трезвый и злой.

Они, конечно, арестуют его и не станут больше никого искать. Он попадет на зону, и неизвестно, сколько там протянет. А тот, кто сделал это с Ириной, останется на свободе. И будет со стороны наблюдать за его, Ивана, страданиями...

Нет, он не доставит ему такого удовольствия. Он найдет его. Найдет и уничтожит. Но для этого должен для начала остаться на свободе.

Трезвый голос взял верх.

Иван выглянул в окно. Полицейская машина уже сворачивала на их улицу. И тут, как не раз бывало с ним в критических ситуациях, включился автопилот.

Ни о чем не думая, Иван схватил с тумбочки влажные салфетки, вытер лицо и руки и сунул грязные салфетки в карман. Переодеваться было некогда, поэтому поверх испачканной кровью одежды надел пальто, положил в карман бумажник. Последний раз взглянул на Ирину, вышел из комнаты и быстро спустился на первый этаж, но не пошел к двери – на крыльце уже были слышны шаги, а спустился в подвал, в котельную, оттуда выбрался через окно на задний двор, через маленькую калитку вышел на соседнюю улицу и быстро зашагал вперед: куда угодно, лишь бы подальше от дома, подальше от того кровавого кошмара, который там увидел.

Холодный осенний воздух и быстрая ходьба немного освежили, вернули утраченную способность здраво соображать и оценивать свое положение. Он понял, что здесь, в этом небольшом городе, не сможет долго скрываться. У него просто нет такого надежного убежища, в котором можно отсидеться хотя бы несколько дней, чтобы разобраться в происшедшем и найти подлинного виновника смерти Ирины. Уже сейчас немногочисленные прохожие смотрели на него подозрительно – так что совсем скоро полиция выйдет на его след.

Затеряться можно только в огромном городе, где никому ни до кого нет дела. С этой мыслью Иван сменил направление и зашагал на железнодорожный вокзал.

На вокзале, вспомнив подозрительные взгляды прохожих, первым делом зашел в туалет и оглядел себя в зеркале. Пальто было чистое, но на щеке имелся кровавый след. Умылся, а потом долго оттирал руки куском серого мыла. Затем снял пальто и, как мог, замыл кровь на пиджаке. И все равно вид был подозрительный – безумные глаза, лицо в красных пятнах.

Он отряхнулся, пригладил волосы и надел пальто.

В это время дверь туалета приоткрылась и в нее проскользнули двое – квадратный мужик в надвинутой на глаза кепке и тощий, невысокого роста тип с крысиной мордой и красными бегающими глазками.

– Кто это тут у нас? – прошепелявил крысомордый. – Здорово, дядя! Как поживаешь?

Иван двинулся к двери, мрачно глядя в пол.

– Что же ты, дядя, не отвечаешь, когда человек с тобой здороваешься? – пробасил квадратный и заступил ему дорогу. – Это нехорошо, дядя! Это некультурно!

– Отвали! – процедил Иван, отодвинув квадратного в сторону.

– Нет, дядя, так не пойдет! – Квадратный притиснул его к стене, а тощий выбросил вперед руку, в которой появился нож, и приставил лезвие к шее Ивана. Свободную руку сунул за пазуху и ловким движением вытащил из кармана бумажник.

– О, дядя! – Крысиная морда довольно ослабилась. – Да тут у нас хорошие денежки! А вот мы еще часики оприходуем... хорошие часики, дорогие... ты ведь, дядя, к ментам жаловаться не пойдешь, это тебе не с руки...

Он быстро сунул бумажник в задний карман брюк и потянул с запястья Ивана часы. При этом его нож на мгновение оказался далеко от горла.

Иван заревел, как раненый медведь. В глазах потемнело от ярости. Тщедушный бандит куда-то отлетел, и Иван принялся молотить кулаками его квадратного подельника. Он вымещал на нем все – смерть жены, собственное бессилие, унижение...

Громила сполз по стене на пол и не шевелился. Иван очухался, перевел дыхание и огляделся. Тщедушный грабитель скрылся, оставив приятеля на милость победителя. Бумажник Ивана унес с собой, часы остались на запястье. Дорогие швейцарские часы, память о лучших временах. Квадратный был жив, хотя лицо его превратилось в отбивную. Он дышал тяжело и хрипло, на губе то и дело вспухал кровавый пузырек.

Иван снова взглянул на себя в зеркало. После драки с грабителями внешность его не улучшилась, ко всему прочему костяшки пальцев были разбиты до крови. Самое печальное – теперь у него почти не осталось денег, только несколько купюр и какая-то мелочь, случайно завалившаяся в кармане пальто.

Выйдя из туалета, он выглянул на перрон. Там прохаживался толстый полицейский, подозрительно оглядывающий пассажиров. Иван не стал рисковать, ушел с вокзала и какое-то время петлял пустырями и переулками.

От перенесенного стресса, а также от холода и пронизывающего ветра его начало колотить.

Иван огляделся по сторонам, чтобы понять, куда забрел во время бесцельных блужданий, и увидел беленые стены Сретенского монастыря, над ними – золоченые главы монастырской церкви, усыпанные черными отметинами галок, а рядом – приземистое бревенчатое здание с выцветшей вывеской: «Монашеская трапеза».

Под этой вывеской обнаружилась дешевая харчевня, где обедали несколько шоферов-дальнобойщиков да пил жидкий чай с бубликами какой-то мрачный дед в потертой ушанке. Иван сел в самый темный угол, пересчитал деньги и заказал немолодой официантке пару пирожков и два стакана чаю.

Официантка оглядела его с сочувствием:

– С женой, что ли, поругался?

– С женой, – ответил Иван мрачно.

Он грел руки о горячий стакан, жевал пирожок, не чувствуя его вкуса, и думал.

Положение его, и без того ужасное, с потерей денег стало и вовсе безвыходным. Без денег не доберешься до большого города, а самое главное – без денег и без знакомств не затеряешься в нем, не найдешь безопасного убежища... И тут его мозг словно озарило внезапной вспышкой. Как он мог забыть про самого надежного человека, про своего давнего друга и компаньона Борьку Орлика?! Почему сразу не вспомнил и не позвонил ему?

Ну да, немудрено, что он перестал соображать, увидев убитую, окровавленную Ирину. А потом... потом он вообще ни о чем не думал. Но теперь он позвонит Борьке, и тот поможет ему! В конце концов, для чего существуют друзья?

Иван полез во внутренний карман пиджака... и выдохнул с облегчением: мобильный телефон был на месте. Это везение, больше того – это знак, знамение. Теперь все будет хорошо... нет, напомнил он себе, хорошо уже никогда не будет.

Иван набрал Борькин номер. Тот отозвался сразу, словно ждал его звонка, и проговорил странным, неуверенным голосом, каким разговаривают с безнадежно больными:

– Вань, что случилось? Что ты натворил?

– Все не так, как кажется, – торопливо перебил его Иван. – Сейчас я не могу ничего объяснить, скажу только одно – я Иру не убивал. Ты веришь мне?

– Конечно, верю! – быстро, слишком быстро ответил Борис.

– Ты сможешь мне?

– Не вопрос! Конечно, помогу! Для чего еще нужны друзья? Что тебе нужно? Где ты?

– Мне нужны деньги. И какое-нибудь надежное место, где можно отсидеться несколько дней. Мне нужно подумать...

– Не вопрос! Так где ты?

– Знаешь такое заведение – «Монашеская трапеза», это возле Сретенского монастыря?

– Найду! Ты только никуда не уходи, я буду минут через двадцать!
В трубке зазвучал сигнал отбоя.

Иван сунул телефон обратно в карман, снова обхватил руками стакан – но тот уже остыл. Ивана знобило, хотя, судя по виду остальных посетителей, в харчевне было жарко натоплено. Потом, наоборот, его кинуло в жар, заболела голова. Он поднялся из-за стола, добрал до двери с выжженным мужским профилем, зашел внутрь. Наклонился над раковиной, поплескал в лицо холодной водой. В голове немного прояснилось.

Он вытер лицо и руки бумажным полотенцем, пригладил волосы и взглянул на себя в зеркало. Вид был тот еще – лицо опухшее, глаза больные, в красных прожилках.

Прежде чем вернуться в зал, Иван подошел к замазанному белой краской окошку, в котором была процарапана маленькая лунка, словно прорубь на речном льду. В эту «прорубь» Иван увидел беленые стены монастыря, пустырь и две грузовые фуры. Вдруг на пустырь одна за другой въехали две машины с мигалками и резко затормозили. Дверцы с грохотом распахнулись, из машин, как горошины из стручков, высыпали полицейские. Старший что-то приказал, энергично взмахивая руками, и все быстро, уверенно зашагали к харчевне.

Иван замер, осознавая увиденное. Но потом снова, как в своем доме, рассудок отключился, управление взяли на себя инстинкты.

Он снова выглянул в окно. Возле машин прохаживался молодой полицейский, поглядывал по сторонам, время от времени подносил к уху переговорное устройство, что-то говорил.

Через окно не уйдешь, этот мент сразу его заметит.

Иван приоткрыл дверь туалета и выглянул наружу. В коридорчике пока никого не было. Он выскользнул и крадусь побрел в правую сторону, откуда доносилось шкворчание плиты и запах подгорелого мяса. На кухне хозяйничал высокий одноглазый таджик, покрикивая на молодую девчонку в несвежем халате. Иван быстро прошел через кухню, по дороге прихватив со стола коробок спичек – сам не зная зачем, повинувшись все тем же инстинктам, – толкнул заднюю дверь и оказался в кладовке.

– Эй, ты куда пошла? – запоздало крикнул ему вслед повар. – Туда нельзя ходить, назад ходи!

Иван захлопнул за собой дверь и оглядел кладовку. Маленькое окошко, выходившее в узкий проулок между харчевней и стеной монастыря, было забрано решеткой. Конечно, ее можно оторвать, но на это потребуется время, а как раз времени у него и не было. И тут он увидел на полу протертый до дыр половичок. Угол половика был отогнут, а под ним виднелся край деревянной крышки подпола.

Иван откинул половик, поднял крышку и спустился по лестнице, после чего закрыл крышку, прихватив край половика так, чтобы он упал сверху. Конечно, когда менты придут в кладовку, они найдут этот люк, но на его поиски уйдет несколько лишних секунд – а эти секунды могут его спасти...

Спустившись в подпол, он чиркнул спичкой и огляделся по сторонам. Вокруг стояли бочки, ящики, мешки с какими-то припасами, а у дальней стены – пирамида пустых ящиков. Снова повинувшись инстинкту, Иван подошел к этой пирамиде, снял несколько верхних ящиков и увидел в стене за ними низкую деревянную дверь, окованную заржавленным железом.

Отодвинув остальные ящики, он толкнул дверь, но та не подалась. Тогда он навалился на нее всем своим весом – но дверь даже не шелохнулась. Чудес не бывает, понял Иван. С чего он взял, что эта дверь будет не заперта? Ему и так подозрительно долго везло. Если, конечно, это можно назвать везением.

Сверху раздались голоса, послышались шаги – наверняка это менты вошли в кладовку. Еще полминуты – и они будут здесь...

В последней надежде Иван дернул дверь на себя... и она немного подалась. Он потянул ее изо всех сил, и дверь с жутким скрипом отворилась. Он пролез в нее, зажег следующую спичку и осмотрелся.

Вперед уходил туннель с низким сырым сводом. А на двери, через которую он только что прошел, имелась тяжелая железная щеколда. Иван задвинул ее и быстро зашагал по туннелю, время от времени зажигая новую спичку, чтобы оглядеться.

Так он шел минут десять. Наконец туннель стал шире, а потом разделился на два. Иван пошел налево – ему показалось, что с той стороны сквозь тьму пробивается едва заметный свет. Потом туннель снова разделился, а еще через несколько минут Иван уже точно заметил впереди на стенах подземелья колеблющиеся желтоватые отсветы. Теперь он мог идти, не зажигая спички.

Свет впереди становился все ярче и ярче, и наконец туннель привел Ивана в большой круглый грот, ярко освещенный десятками свечей. На дальней стене грота висело несколько икон. Строгие, просветленные лики святых уставились на Ивана пристально, осуждающе, как будто тоже не верили в его невиновность. На полу перед иконами лежал ничком монах в черной поношенной рясе. При появлении Ивана он не шелохнулся, должно быть, не заметил его, погруженный в свою безмолвную молитву.

Иван понял, куда он попал: это была подземная часовня под Сретенским монастырем. Он как-то раз был здесь и помнил, как из нее выбраться на поверхность. Однако прежде чем покинуть это место, Иван остановился перед иконой своего святого, Иоанна Богослова. Святой смотрел на него мудрым всепонимающим взглядом, и под этим взглядом Иван почувствовал, как страх и гнев постепенно отпускают его. Он успокоился и смог более здраво обдумать свое положение. И первое, о чем он подумал, – о том, что полиция приехала в харчевню через несколько минут после того, как он позвонил Борису.

Неужели Борька его сдал? Иван даже замотал головой. Никак не хотелось думать, что лучший друг и компаньон предал его. Нет, скорее всего, полиция прослушала их разговор – у них наверняка есть такие технические возможности. Или проследили за Борисом... Но это значит, что Борька «под колпаком» и к нему больше нельзя обращаться – ни звонить, ни приходить. Значит, нужно рассчитывать только на свои собственные силы.

Для Ивана это было нормально, привычно – с самых юных лет он привык полагаться только на себя, но теперь ситуация усугублялась тем, что за ним гналась полиция и у него не было денег.

Постояв еще немного в умиротворяющей тишине подземной часовни, Иван поднялся по крутой каменной лестнице и оказался в монастырском дворе. Здесь не было ни души – должно быть, монахи были на церковной службе или занимались своими ежедневными делами.

Иван вышел через небольшую калитку и очутился в старой слободе, где когда-то жили мастеровые. Теперь это был прилепившийся к монастырю поселок из одноэтажных домиков и барачков. Пройдя через него, он оказался перед забором собственной фабрики – той, которой они владели на пару с Борисом. У него мелькнула мысль зайти туда и взять денег из сейфа, но потом он подумал, что на фабрике его наверняка караулят, и отправился дальше.

Иван долго брел по пустырям и проулкам, избегая многолюдных улиц, сам не понимая, куда идет. Но инстинкты не подвели, и после часа таких блужданий он добрался до автобусного вокзала, где толпились в ожидании своих автобусов потертые крестьяне и жители маленьких окрестных городков. Иван сразу же понял, что это для него – единственное правильное решение.

Он подошел к автобусу, который вот-вот должен был отъехать, собрал всю оставшуюся мелочь и купил у водителя билет до ближайшего городка.

Там он вышел и побрел по унылой осенней улочке. Хотелось есть, хотелось отдохнуть, но и для того, и для другого нужны были деньги. Впереди, возле красивой древней церкви,

стояла группа туристов. Блеклая женщина средних лет что-то вешала им по-немецки. В двух шагах от них вертелся парень в вязаной растаманской шапочке, предлагая матрешек, значки, шапки-ушанки.

Иван поманил его пальцем.

Тот неохотно подошел и, оглядев Ивана с ног до головы, цыкнул языком:

– Чего надо? Матрешку? Есть политические, есть эротические, есть художественные...

– Сам со своими эротическими матрешками играй. Я тебе не турист.

– А тогда чего надо? Имей в виду, у меня время дорогое, просто так болтать некогда.

– Купи часы, – Иван снял их с запястья и показал издали.

Парень с первого взгляда оценил дорогую вещь, глаза заблестели, но он этот блеск тут же аккуратно притушил, зевнул и проговорил с ленивой растяжкой:

– А на фига мне твои часы? У меня свои есть, не хуже! Ну ладно, только чтобы тебя выручить, возьму. Пятьсот рублей.

– Ты что – с дуба рухнул? – Иван надел часы и развернулся уходить.

– Эй, стой! – Парень схватил его за плечо. – Обожди, куда же ты! Дай хоть посмотреть, а то подсунешь фуфло.

Иван посмотреть дал, но из рук не выпускал.

– Ладно, так и быть, дам три штуки, – милостиво проговорил покупатель.

– Ну уж нет, ищи другого дурака! – отрезал Иван. – Ты же знаешь, сколько эти часы стоят. Это номерной «Монблан», новые – сто сорок тысяч...

– Ты не в магазине, дядя!

– Не в магазине, – кивнул Иван, – поэтому отдам за тридцать. Или до свидания...

– Насчет тридцати ты, конечно, загнул, за тридцать сам носи, но за десять я, так и быть, возьму. Другу подарок ищу, как раз подойдут.

– Нет, за десять можешь гулять, туристам матрешек впаривать. Меньше чем за двадцать пять не отдам.

– Ладно, ладно, давай за двадцать – или разойдемся.

На этот раз Иван не стал спорить.

Взяв деньги, отдал парню часы и пошел к железнодорожной станции.

Здесь он сел на первую подвернувшуюся электричку – лишь бы уехать подальше от дома.

Едва сел на свободное место, тут же задремал – сказались усталость и нервное напряжение прошедшего дня. Ему даже начал сниться сон – ужасный сон, в котором смешались события минувшего трагического дня.

Проснулся Иван оттого, что кто-то тряс его за плечо.

– Билет! – строго проговорила ярко-рыжая тетка в железнодорожной форме. За ее спиной маячил крепкий мужик средних лет в черной форме охранника.

– У меня нет, – признался Иван и полез за деньгами. – Продайте мне, я заплачу сколько надо.

– До какой станции? – осведомилась женщина.

– А до какой идет этот поезд?

– Этот поезд идет до Петровска, а тебе-то куда надо? Или все равно?

– До Петровска? Вот туда и надо...

Контролерша неодобрительно покачала головой, но ничего не сказала, отсчитала ему сдачу, пробила билет и двинулась дальше по вагону. Сопровождавший ее охранник окинул Ивана долгим внимательным взглядом, но тоже промолчал и ушел. Иван тут же провалился в тяжелый душный сон.

В Петровске его растолкали.

– Вставай, парень! Дома отоспишься! Этот поезд дальше не идет!

Несколько минут он не мог понять, где находится. В голове бухало, как в пустой бочке, лицо горело, бросало то в жар, то в холод. Кое-как собравшись, он вышел из вагона и пересел в другую электричку. На ней он еще долго куда-то ехал, время от времени проваливаясь в беспокойный сон, затем снова пересел. Наконец и та электричка остановилась, а какая-то сердобольная старушка помогла ему выйти из вагона.

– Где это мы, бабушка? – спросил ее Иван, растерянно оглядываясь.

– Ты что же, милый, не знаешь? – испуганно пролепетала та. – Это же Ленинград... Питер по-нынешнему!

– Пи-итер? – протянул Иван, удивляясь собственному везению.

– А тебе куда нужно?

Иван не ответил, и старушка, сочувственно покачав головой, проговорила:

– И до чего же человек допился – совсем себя не помнит! Вот с чего люди пьют? Вроде молодой, здоровый...

Выйдя на привокзальную площадь, Иван кое-как пришел в себя и собрал разбегающиеся мысли. Теперь он понимал, что заболел, и удивлялся тому, как в таком состоянии доехал до Петербурга. Ведь именно сюда он и хотел попасть: во-первых, это большой город, в котором легко затеряться, во-вторых – Питер ему не чужой, здесь Иван бывал много раз, здесь жила его родная тетка... Подумав о ней, он мечтательно вздохнул. Вот бы где он хотел сейчас оказаться – у тети Липы!

Тетя Липа, Олимпиада Гавриловна, родная сестра его отца, была на редкость домовитой и гостеприимной. Когда бы Иван ни приехал к ней, она всегда прекрасно его принимала, кормила вкусно и сытно. А какие борщи варила! Наваристые, густого красного цвета, с чесночными пампушками! И таких пирожков, как у тети Липы, Иван больше нигде не пробовал!

Да, у тетки он мог бы отлежаться и набраться сил, но прекрасно понимал, что туда ему нельзя: полиция его родного города наверняка связалась со здешними коллегами и у тети его ждет засада. А даже если не ждет – нельзя подставлять тетку, нельзя втягивать ее в свои неприятности... Ему становилось все хуже и хуже, он из последних сил держался на ногах.

Но куда же в таком случае сунуться?

Иван сделал еще несколько нетвердых шагов. Вокруг него царил какая-то странная суэта – озабоченные люди подходили друг к другу, о чем-то вполголоса переговаривались, иногда вместе уходили, но чаще расходились и снова прохаживались кругами. Тут к нему подошла низкорослая толстая тетка, удивительно похожая на раскормленную жабу, и осведомилась вполне подходящим квакающим голосом:

– Тебе надолго?

– Надолго – что? – переспросил Иван, недоумевая.

В теперешнем состоянии до него плохо доходили самые очевидные вещи, не говоря уже о странном вопросе.

– Как – что? – проквакала тетка. – Ты сюда вообще зачем пришел?

Иван не сразу нашелся, что ответить, и тетка пришла ему на помощь:

– Тебе ведь комната нужна?

Только тут до Ивана дошло, что он пришел на пяточок, где встречаются те, кто хочет подешевле, без лишних хлопот и документов снять или сдать жилье.

– Да, комната! – радостно подтвердил он. – Только недорогая, у меня денег мало...

– Недорогая, не беспокойся! – Тетка зазывно улыбалась, отчего стала еще больше похожа на жабу.

– И хорошо бы поближе...

– Ближко, ближко, совсем ближко!

Она еще раз внимательно его оглядела, для чего ей пришлось задрать голову, после чего удовлетворенно хрюкнула, схватила его за руку и повела за собой, как теленка на пастбище.

Иван не сопротивлялся, окружающие дома сливались для него в одну серую тягучую массу, встречные люди казались роботами – все с пустыми глазами и деревянными, небрежно раскрашенными лицами. В голове бухало, как будто там работала машина по забиванию свай, тело под одеждой было мокрым. Ему было трудно произносить слова, но этого и не требовалось. Кажется, он на некоторое время вообще выпал из нормального состояния и шел на автопилоте.

Иван осознал себя уже на лестнице перед дверью в квартиру. Его провожатая достала ключи, почему-то воровато оглянулась на дверь напротив и пропихнула Ивана внутрь.

– Ты не беспокойся, – с одышкой проговорила она, – нормальная комната, мебель есть, все как положено. Ну, тут еще одна живет, ты на нее внимания не обращай, живи как хочешь.

Она провела его в комнату: там было вроде бы чисто, но душно, впрочем, в его состоянии ему и на улице воздуха не хватало. Тетка еще что-то говорила противным квакающим голосом, вразвалку ходила по комнате, скрипела дверцами платяного шкафа, зачем-то заглядывала под кровать и водила носом, словно к чему-то принюхиваясь. Ивану хотелось броситься на эту кровать и провалиться в забытие. Поэтому, когда тетка назвала цену за две недели, он смутно понял, что она просит несуразные деньги, но спорить не было сил.

Наконец эта жаба убралась в свое болото, а он все же заставил себя раздеться и плюхнулся на кровать.

Юлия проснулась от телефонного звонка. Села, не в состоянии очнуться от тяжелого сна, и потрясла головой, чтобы противный звон исчез. Не тут-то было, телефон звонил настойчиво. Ежик сидел в своей кроватке и круглыми удивленными глазами смотрел на телефон. Юля застонала в голос и взяла трубку.

Звонила Света Скворцова, ее благодетельница и работодательница. И вообще, хороший человек.

– Ты где? – спросила она, услышав Юлин хриплый голос. – Не проспалась еще? Давно прилетела?

– Да только ночью... А тут еще...

– Давай ноги в руки – и ко мне! – прервала ее Света. – Работа для тебя есть, только нужно поскорее все решить и договор подписать, пока начальство не передумало.

– Что – перевод? – С Юли мигом слетели остатки сна.

– И редактора, и перевод. Так что к одиннадцати будь у меня как штык! Договорились? – И Света отключилась, не дождавшись ответа.

Юля стала напряженно соображать. Куда пристроить Ежика на то время, пока она будет в издательстве? Попросить Анну Петровну с верхнего этажа? Она – старушенция неплохая и с Ежиком хорошо управляется, но не любит, когда к ней обращаются неожиданно, по ее выражению, с бухты-барахты. Так что может и отказать. И самое главное – у Юли совсем нет денег, чтобы ей заплатить, осталось только на еду дня на три. Так что в издательство нужно ехать обязательно, кровь из носу, может, удастся выпросить у Светы аванс.

Тут она вспомнила, что сегодня вторник. А по вторникам и четвергам Ежик ходит в группу лечебной физкультуры в Детском реабилитационном центре. И если сейчас поторопиться, то они могут успеть к десяти. Ну, минут на десять опоздают, это ничего. А если сегодня не Лизавета, а Таня, то все будет в порядке.

– Ежик! – Юля вскочила с дивана, на что тот отозвался ревматическим скрипом. – Быстро собираемся на физкультуру!

– Ну, мама... – личико сына сморщилось, – я не хочу-у...

Но Юля, не слушая его, заметалась по комнате в поисках одежды.

Ежик понял, что намерения ее серьезны, и решил подключить к делу водные процедуры, то есть собрался со вкусом поплакать. Этого ни в коем случае нельзя было допустить – он разрешается до истерики, до колик, до икания, потом его будет не успокоить, в конце концов они

опоздают на занятия и она не попадет в издательство. А завтра может быть поздно, перевод перехватят – такой работы мало, а желающих много. А деньги нужны катастрофически.

Юля взяла сына на руки, затормошила его, подула в ушко, сняла губами со щеки набежавшую слезинку, при этом тараторила без умолку, заговаривая его плохое настроение, усталость после непродолжительного сна, болезнь... В голове всплывали обрывки стихов, детские песенки и считалки-прибаутки, которые рассказывали нашим бабушкам их бабушки, заговаривая детям боль и страх.

Все прошло. Ежик раздумал плакать и счастливо заулыбался, а Юля потащила его в ванную умываться. Он заупрямился было, так как хотел идти сам:

– Мамочка, я же теперь хожу!

И у Юли привычно екнуло сердце. Господи, как он там ходит? По стеночке, хуже, чем годовалый ребенок, а ведь ему уже больше трех... Она тут же одернула себя – все могло быть гораздо хуже, все-таки налицо несомненный прогресс. Но вдруг он так и останется таким?

– Мамочка, тебе больно? – Сын тотчас отреагировал на ее мысли.

– Нет, милый, – сказала Юля, отвернув лицо, – просто нам надо торопиться, иначе я не успею на работу.

Ежик надулся – он не любил, когда она уходила.

В прихожей никого не было, на кухне тоже, из Лешкиной комнаты доносился мощный храп.

– Это на улице мотор работает? – тут же спросил Ежик. – Какая машина?

– Не знаю. – Юля пыталась не рассмеяться.

Сын посмотрел свысока – что с тебя, с женщины, возьмешь? Ясно, что в машинах не разбираешься.

На улице было прохладно и пасмурно – начало октября. Юля достала из шкафа плащ и заметила, что на нем пятно, – ну да, наверное, Ежик ногами запачкал. Переодеваться было некогда, да и не во что.

Реабилитационный центр, к счастью, находился неподалеку – всего две остановки, они прекрасно пройдут пешком. Юля посадила сына в коляску, пообещав, что купит мороженое. В доме не было ни крошки еды, мороженое будет вместо завтрака. Разумеется, вредно, но Ежик сразу повеселел.

В лифте к ним подседа Валентина с нижнего этажа.

– О, привет! Вы вернулись? – она подмигнула Ежику. – Загорели как, посвежели. Мужика там не завела?

Это были обычные Валькины шуточки, так что Юля только отмахнулась.

– А что это у тебя всю ночь шум такой был? То кто-то топает как слон, то посуда бьется. Я думала – тебя нет, уж не воры ли залезли? Хотела в полицию позвонить, так лень встать было... – Валентина зевнула во весь рот.

– А это жилец новый, ему свекровь Лешкину комнату сдала, – тут же наябедничала Юля.

– Да ну? – Валентина никогда ничему не удивлялась, но тут, видно, ее проняло. – Пьющий, небось?

– А то, – Юля решила не углубляться.

– Нарочно, значит, чтобы тебя из квартиры выжить, – констатировала Валентина. – Не дрейфь, Юлька, прорвемся!

Выходя из подъезда, Юля подумала, что Валентина в общем-то пустая и не слишком умная баба, но все же поддержка была кстати. И еще хорошо, что Валька – ужасная болтушка и про то, что свекровь нарочно привела в дом пьяницу, теперь будет знать весь дом. Только свекрови-то это, как выражается та же Валентина, по барабану.

Они опоздали на четырнадцать минут, и, конечно, по закону подлости сегодня группу вела Лизавета. Она выскочила из зала в раздевалку и встала в дверях, сложив жилистые руки на плоской груди.

– Ну, и что же у вас на этот раз?

– Лизавета Петровна! – затараторила Юля фальшиво-радостным голосом. – Как же мы по занятиям соскучились! А мы на море были, в Турции, ночью только прилетели, и сразу к вам!

– Уж так мы рады... – процедила Лизавета сквозь зубы, – просто счастливы...

Юля отвернулась и закусила губу. Ужасно хотелось рявкнуть на мерзкую бабу, чтобы не смела так разговаривать. Они приписаны к этой группе, два раза в неделю их обязаны принимать, и вовсе ни к чему Лизавете шипеть и хамить. Мало ли что опоздали. Попробовала бы сама с коляской две остановки пробежать! Но Юля не смела ничего сказать, потому что это тотчас же отразится на Ежике. Он и так Лизавету боялся. Она злая и вредная, потому что у самой ни мужа, ни детей. И такую работу выбрала...

Когда были деньги, Юля водила Ежика в платную группу. Там работала Анечка – совсем молодая, веселая, играла с детьми, музыку включала.

– Иди, милый. – Юля одернула маечку и подтолкнула сына к дверям.

Разумеется, он сел на пол и отказался идти, Юле пришлось занести его в зал под кинжальным взглядом Лизаветы.

Затем она опрометью бросилась на улицу и вскочила в проезжающую маршрутку. Усевшись, закрыла глаза и постаралась не думать, что Лизавета сейчас орет на Ежика, а он сдерживает слезы, потому что даже плакать при ней боится. И у него не получают никакие упражнения, потому что он и не слышит Лизаветиных указаний.

Юлия пыталась отвлечься от грустных мыслей, но в ушах стоял плач Ежика. Господи, за что ей это, за какие грехи? У всех дети как дети, а ей за что мучиться? Она тут же испугалась своего протеста – нельзя так думать, нужно радоваться тому, что есть, ведь могло быть еще хуже... И потом, все же есть у них с Ежиком какие-то достижения...

Роды были трудными, Юля мучилась больше суток и почти ничего не помнила. Потом ей сказали, что ребенок шел неправильно, пришлось тащить. Кто уж там виноват – врач, акушерка или природа – теперь не узнать. Их продержали в роддоме почти месяц, потом выписали, сказав, что все нормально.

О том, что все не так, она поняла только через несколько месяцев. Ребенок не поворачивался, не сидел и не ползал. Не было рядом никого, кто посоветовал бы, помог, поддержал хотя бы добрым словом. Врачи в поликлинике постоянно менялись, отмахивались от Юлиных вопросов, всем было некогда, всем было не до нее, к тому же Ежик ужасно плакал при виде белого халата.

Юля все время хотела спать и есть, потому что ел-то ребенок исправно, даже ночью просыпался два раза. Муж к Ежику принципиально не вставал – он работает, ему надо высыпаться. Он и спать стал в другой комнате на диване. Свекровь, являясь нечасто, поджимала губы и указывала Юле на беспорядок в квартире. Какая уж тут уборка, когда едва хватало сил и времени на ребенка?

Наконец Юля добилась направления в специальный медицинский центр, врачи долго осматривали ребенка и наконец нехотя признали патологию в развитии.

– А чего же вы, мамочка, раньше думали? – заорала толстая врач после осмотра. – Девять месяцев, а он у вас колодой лежит!

После чего начались унижительные хождения по инстанциям и врачебным комиссиям. Юля похудела и почернела, молоко пропало, как не было, и почти так же быстро пропал муж. То есть видела она его все реже, а потом, когда получила наконец постановление комиссии, что у нее ребенок – инвалид, Лешка, отведя глаза, сказал, что жить так больше не может, оставляет ей квартиру и будет давать деньги на ребенка. Юля не слишком расстроилась по поводу его

ухода, она находилась в жутком состоянии, поскольку врачи сказали: вполне возможно, что ребенок не встанет никогда.

К году Ежик мог только с трудом переворачиваться, зато произносил несколько слов и любил, когда ему читали книжки. С головой все нормально, признавали врачи, хоть в этом повезло.

Вскоре выяснилось, что Лешка все наврал – и про квартиру, и про деньги. Денег он давал очень мало и то после долгих Юлиных требований по телефону. С тех пор как ушел, он не появился в квартире ни разу. Зато зачастила свекровь и потребовала от Юли освободить квартиру.

– Уезжай в свой Задрипанск, – сказала она, – и расти там своего урода самостоятельно. Мы все здоровые, у нас такого родиться не могло, это ты от кого-то его нагуляла.

И еще много разных теплых слов непечатного содержания в таком же духе.

Юлия тогда собрала все силы и твердо сказала, что никуда не уедет. Ребенок болен, ему необходимо квалифицированное лечение, они прописаны в этой квартире, и вообще они с Алексеем пока женаты.

– Это ненадолго, – пообещала свекровь, и через неделю позвонил Лешка и сказал, что подал на развод.

На первый суд Юля не явилась – не с кем было оставить Ежика, он как раз приболел.

Свекровь приходила каждый день и скандалила. Между делом вывезла мебель и вообще все мало-мальски ценное, что было в доме. Наконец, когда Юля пригрозила, что подаст на алименты, муж, теперь уже бывший, явился к ним. Похоже, что он сам прибалдел, увидев пустую, разоренную квартиру, однако матери ничего не сказал, только удержал Юлю, когда она потеряла контроль над собой и бросилась на эту ведьму, его мамашу, не в силах слышать, как она обзывает ее сына неприличными словами.

Денег не было, работать Юлия не могла – куда уж там. Лешка сказал, что в данный момент ищет новую работу, так что алименты ее не спасут – не с чего их получать. Юля возила ребенка в бесплатный бассейн, но там были сквозняки и он все время простужался. Курс массажа полагался им один раз в год, а нужно было минимум три.

К двум годам Ежик мог сидеть, поддерживаемый подушками, и стоять на четвереньках. И еще он хорошо говорил и задавал вопросы: почему он не ходит? Почему другие дети на прогулке бегают, а он сидит в коляске? И еще много в таком же духе.

Юля перестала спать. Как-то ночью, вслушиваясь в неровное дыхание сына, она вдруг подумала, что лучший выход для них – это самоубийство. Потому что у нее больше нет сил. И никому они не нужны, никто не поможет. А если не будет больше никакого улучшения, если Ежик так и останется неходячим инвалидом? Спору нет, живут и такие дети, и взрослеют, но это если большая дружная семья, все поддерживают, помогают – бабушки, дедушки, дяди-тети, на курорты ребенка возят, на дачу берут. А у нее иногда денег даже на еду не хватает, какие уж тут курорты. Телевизор сломался – неделю собирались починить, лишних денег не было. Отец ребенка бросил их, считай, на произвол судьбы, и свекровь рано или поздно ее доконает.

А к себе домой Юля уехать не могла – там ее тоже никто не ждал. Когда она сообщила отцу, что выходит замуж и скоро он станет дедушкой, он ничего сказал, даже не поздравил. А потом позвонила мачеха и сказала, что отец недоволен, они себе во всем отказывали и посылали ей деньги вовсе не для того, чтобы она, как полная дура, залетела от какого-то хмыря, а чтобы получила образование и нашла хорошую работу, и теперь пусть не думает, что повесит на них свою семейку, больше денег от них она не дождется. Юлия тогда так растерялась, что не нашла, что ответить. Так что когда родился Ежик, она и звонить отцу не стала. А уж потом столько всего навалилось, что и звонить было незачем.

Так что приехать с больным ребенком домой она не могла, не было у нее дома.

Свекровь продолжала скандалить, пыталась перетянуть на свою сторону соседей, уговаривала их подписать заявление в полицию, но никто не поддался. Скорей всего, никому не хотелось связываться, но многие, встречаясь в лифте, смотрели на Юлю косо.

И вот когда она дошла, что называется, до ручки, когда всерьез обдумывала, что лучше – включить на кухне газ или броситься с ребенком с девятого этажа, позвонили из собеса и предложили бесплатную путевку в Болгарию, на специальный курорт для больных детей. Юля сначала не поверила своим ушам, потом собралась за три дня, и они с Ежиком улетели.

На море оба ожили. Море спасло их от непоправимого шага. Первые три дня Ежик плескался в мелкой водичке или копался во влажном песке, а Юля сидела рядом и млела от счастья. Солнце, ослепительные блики на воде, запах моря – все это на глазах прибавляло ей физических сил, а главное – лечило измученную душу. Сын загорел, окреп, плавал с кругом, а за неделю до отъезда судьба послала им встречу с Надеждой Павловной.

Надежда Павловна приехала на курорт с внуком. Мальчик шести лет хорошо ходил, пробовал бегать, прекрасно плавал и подтягивался на руках. Еще читал и пользовался компьютером, последнее бабушка не слишком поощряла, говоря, что главное – это физические нагрузки. – У нас было еще хуже, уж ты поверь, – сказала она, сочувственно глядя на Ежика.

И Юля неожиданно для себя самой рассказала этой незнакомой женщине всю свою жизнь.

Надежда Павловна внимательно слушала – что еще на пляже делать? А после дала Юле массу дельных советов – как получить направление в Детский центр реабилитации, как добиться дополнительного пособия, и самое главное – как приструнить свекровь. Она посоветовала как можно скорее развестись, тогда у Юлии, как у одинокой матери с ребенком-инвалидом, будут неоспоримые права, и выгнать ее просто так из квартиры свекровь не сможет. Еще она дала телефон толкового адвоката, который по приезду помог Юлии составить ходатайство в Комитет по защите детства, в Горздрав и еще куда-то. Но это случилось после того, как Юлия разобралась с дверью.

Вернувшись из Болгарии, они с Ежиком, что называется, поцеловали замок – свекровь поменяла, пока их не было. И ключей не оставила. А по телефону проорала, чтобы Юля убиралась куда угодно – квартира ее, она никого в нее не пустит.

Соседи держались индифферентно, хотя все были, конечно, в курсе – накануне мастер сильно шумел, вставляя новый замок. Призвать свекровь к порядку решила только Валентина с нижнего этажа, и то потому, что отсыпалась после ночной гулянки и шум ей мешал. Свекровь ответила ей, как всегда, не выбирая выражений, так что Валька была на нее сильно зла.

– Вызывай МЧС, – сказала она Юле, – я подтверждаю, что ты тут живешь. И денег одолжу.

Парни из МЧС внимательно изучили ее прописку, потом раскурочили новую дверь и выломали замок, так что пришлось на ночь заклинить дверь стулом. Свекровь орала про порчу имущества и про суд, но когда через некоторое время к Юлии явился юркий человек с бегающими глазками и представился адвокатом, она тут же предъявила ему кучу документов – как раз успела получить. Человек опытным взглядом оценил документы – из Комитета по защите детства, из Горздрава, из собеса и районной поликлиники – и резко поскущел, сообразив, что выжить Юлию из квартиры никак не удастся.

Ежик после поездки на море встал на ноги. И постоял – сначала минуту, потом две, потом больше... Юля плакала, глядя на него, и поклялась себе возить сына на море минимум два раза в год. Одна путевка им полагалась бесплатно, но это все.

И тут снова помогла Надежда Павловна: нашла ей работу в издательстве и познакомила со Светой, которая пристроила ее редактором. Что сложного – образование у нее гуманитарное, грамотность стопроцентная. Самое главное – работа надомная. Изредка нужно было являться в издательство, тогда вырочала старушка с верхнего этажа. Она честно призналась Юле, что с

Ежиком ей еще и лучше – другие дети бегают, хулиганят, а этот сидит себе тихонько, машинки катает, никаких с ним забот.

Работа по редактуре текстов была всегда, вроде бы Юлией были довольны. Однако переводить давали пару раз, а это конечно оплачивалось не в пример лучше. В общем, все потихоньку налаживалось, вот только денег, как всегда, не хватало. Но на море слетали и второй раз. Ежик так окреп, так поздоровел, что сумел пройти самостоятельно без поддержки несколько шагов. Надо бы позвонить Надежде Павловне, радостью поделиться. Да вот только теперь и в гости ее не позовешь, когда там этот бандит поселился...

Юлия вышла из маршрутки, перешла дорогу и подошла к суперсовременному зданию из стекла и металла – бизнес-центру, на верхнем этаже которого располагалось издательство. Среди окружающих домов солидной дореволюционной постройки этот бизнес-центр выглядел как металлический зуб среди настоящих – выпирал дешевым искусственным блеском.

Когда Юлия переходила дорогу, из-за угла вывернул ярко-красный автомобиль, едва ее не сбив и обрызгав плащ. Да ладно, все равно его стирать нужно...

Красная машина затормозила, свернула на служебную парковку. Дверца открылась, и из машины вышла молодая женщина в умопомрачительном итальянском пальто – ее величество Александра, жена директора издательства.

Юлия вздохнула.

Зависть – отвратительное чувство, и она, как могла, гнала ее из своей души. Да она и не завидовала Александре, ни ее роскошным тряпкам, ни свежему южному загару, но вот машина... как бы ей пригодилась машина, пусть не такая роскошная, пусть самая простенькая, насколько легче было бы ездить с Ежиком на все процедуры и занятия! Так они тащатся с коляской пешком в любую погоду, а если уж дождь проливной или мороз, то ждут трамвая, а потом приходится просить кого-то помочь войти, и старухи сразу начинают ворчать, а помогать некому, поскольку мужчины обычно в трамваях не ездят.

Юлия со вздохом отвернулась от красной машины и вошла в бизнес-центр.

Поднявшись на лифте на шестой этаж, подошла к вертушке охранника и полезла в сумочку за пропуском. Пропуск, как всегда, завалился в самую глубину, пришлось выложить вещи. Охранник был новый, незнакомый – сменился за время ее отпуска. Он смотрел на Юлию с высокомерным начальственным раздражением. Юля, краснея, выкладывала на стойку детские гигиенические салфетки, пузырек антисептика, игрушечных солдатиков, которых Ежик подсунул ей в самолете, недоеденное печенье... черт, надо было почистить сумку по прилете, но, как всегда, не хватило времени...

Наконец нашла пропуск, сунула охраннику. Тот брезгливо взял его двумя пальцами, повертел перед носом и протянул:

- Он у вас просрочен!
- Да что вы? Я непременно продлю...
- Я вас по такому пропуску не могу пропустить!
- Но как же... мне очень нужно... я потом не смогу...
- А это уже ваши проблемы!
- Позвоните Светлане Скворцовой!

Охранник величественно нахмурился, изображая большого начальника, но все же потянулся к телефону. В это время двери лифта разъехались и появилась Александра во всей красе. Цокая каблуками, подошла к турникету, взглянула на Юлию как на мелкое насекомое и фыркнула. Юлия под этим взглядом съежилась, отодвинулась в сторону, сама себя презирая за такую реакцию. Охранник вытянулся, засиял:

- Здравствуйте, Александра Викторовна!

И открыл турникет, ни словом не заикнувшись о пропуске.

Александра величественно удалилась. Охранник проводил ее восхищенным взглядом, только после этого снял трубку и позвонил Светлане. Светлана, к счастью, была на месте, прибежала, уговорила охранника, поклялась, что сегодня же продлит пропуск, и наконец привела Юлию в редакцию. Охранник, глядя им вслед, пренебрежительно хмыкнул. Юле на миг стало ужасно стыдно своего поношенного плащика, да еще пятно это на боку, и волосы висят безжизненной паклей, потому что некогда было вымыть голову утром, и глаза не успела накрасить. Свете-то все равно, как она выглядит: всегда ходит в одних и тех же джинсах и волосы стрижет короче некуда – чтобы не возиться, как сама говорит.

В большом зале, как всегда, кипела работа. Редакторы и корректоры, дизайнеры и художники сидели, уткнувшись в экраны своих компьютеров, или колдовали над макетами будущих книг.

– Ну, как ты? – спросила Светлана, усадив Юлю в свой закуток. – Посвежела, отдохнула!

– Главное, Ежик намного лучше себя чувствует! На него море замечательно действует!

Она заметила, как Света деликатно отвела глаза и тут же прикусила язык. Света – хороший человек, но детей у нее нет, так что Юлины проблемы были ей совершенно неинтересны.

– Ну ладно, об этом потом, – сказала она. – Работа для меня есть? Деньги нужны до зарезу! После отпуска-то...

– Редактура есть, вот эти две книжки. – Светлана пододвинула ей две папки с компьютерными распечатками. – Но тут вот какое дело. Главный раскопал какого-то канадца, говорят, очень модный. Не только Канада – вся Европа его читает. Немцы просто с ума сходят – тиражи прямо как у Гарри Поттера. Исторический роман, что-то такое про древний мир. Действие происходит задолго до нашей эры. Главный хочет заказать перевод, так вот я подумала про тебя.

– Французский канадец? – на всякий случай осведомилась Юля.

– Французский, французский... у тебя ведь с французским языком хорошо?

– Хорошо... – мечтательно вздохнула Юлия.

Она давно хотела получить заказ на перевод – за эту работу платили гораздо лучше, чем за редактуру, а если книга хорошо пойдет, можно получить еще и потиражные... С другой стороны, она так давно не практиковалась во французском... справится ли?

– Так что – берешься? – прервала Светлана ее раздумья.

– Да, конечно! Спасибо тебе большое!

– Но только смотри – не подведи меня! Я за тебя поручилась, расписала как хорошего переводчика, хотя ты с французского для нас еще не переводила.

Юлия не успела ответить: распахнулась дверь директорского кабинета, на пороге возникла Александра – лицо в красных пятнах, ноздри раздуваются.

– Козел! Ты об этом еще пожалеешь! – выкрикнула она визгливым, истеричным голосом.

Тут же рядом с ней возник Сам – директор издательства Павел Васильевич: все три подбородка трясутся от злости, маленькие глазки горят. Окинул помещение злобным взглядом, под которым все сотрудники сгорбились, уставившись в компьютеры, что-то прошипел в самое ухо жены и захлопнул дверь кабинета.

– И часто они так? – вполголоса поинтересовалась Юля, провожая взглядом Александру, гордо шагающую к выходу.

– Да чуть не каждый день! – фыркнула Светлана. – Мне кажется, у них такие ролевые игры. Они ловят кайф, когда лают на глазах всего издательства. Хотя в одном Александра права...

– В чем же?

– Козел он натуральный. Такого еще поискать!

Юля усмехнулась. Ей редко приходилось сталкиваться с директором, но даже она не могла не согласиться с такой оценкой. К счастью, Сам редко снисходил до контактов с рядо-

выми сотрудниками – этими делами занимался главный редактор Афанасий, или просто Главный, а он был неплохой мужик. Впрочем, Юля и с ним мало сталкивалась, все вопросы они решали со Светланой.

Она взглянула на часы и заторопилась:

– Слушай, мне вообще-то уже пора, Ежика скоро выпустят. Так что насчет того канадца? Какие сроки, какие расценки?

– Ну, держи! – Светлана достала из ящика томик в глянцевой обложке. – Посмотри внимательно, прикинь свои возможности. Можешь одну главу перевести на пробу. Только не тяни, быстрее надо.

– Постараюсь! – Юля сложила все свои трофеи в сумку и помчалась к выходу.

Выйдя на улицу, она снова увидела красный автомобиль. Он как раз выезжал со стоянки. Видимо, что-то с машиной было не так, потому что, выехав на улицу, Александра затормозила, вышла из машины и мрачно уставилась на левое заднее колесо. Потом пнула его носком туфли, выругалась и раздраженно огляделась по сторонам. Должно быть, искала того, кто тут же кинется к ней на подмогу. Однако на улице не было никого, кроме Юлии, которую ее величество принципиально не замечала. А может, и правда в упор не видела.

Убедившись, что помощи ждать неоткуда, Александра достала мобильный телефон и снова длинно, вычурно выругалась: должно быть, подлый прибор разрядился или здесь не было сигнала.

Юлия невольно замедлила шаги, с неизъяснимым злорадством наблюдая за страданиями Александры. Это в издательстве все перед тобой стелются, потому что ты жена директора. А тут, на улице, никому до тебя дела нет, разбирайся сама. Та отступила на шаг, опустила на корточках и принялась тупо разглядывать подлое колесо.

В эту самую секунду из-за угла на полном ходу вывернула огромная черная машина, похожая на старинный катафалк, и понеслась прямо на Александру, не снижая скорости. Юлия ахнула, широко открыв глаза, и с ужасом увидела, что в последний момент черная машина не свернула в сторону, а наоборот, вильнула вправо и всей своей массой ударила женщину. Та отлетела в сторону, как тряпичная кукла, и бесформенной грудой грохнулась на асфальт. А черная машина, по-прежнему не сбавляя скорости, понеслась дальше и свернула на первом же перекрестке.

Юлия машинально приблизилась к Александре – и с первого взгляда поняла, что помощь ей уже не нужна. Тем временем рядом с ней появились люди – кто-то ахал, кто-то громко матерился, какой-то солидный мужчина звонил в «Скорую».

– «Скорая» уже не нужна, – деловито проговорила женщина средних лет. – Сразу видно – никаких признаков жизни. В полицию звонить нужно... Кто-нибудь видел, что произошло? Кто-нибудь видел машину, которая ее сбила? Девушка, вы что-нибудь видели?

Сообразив, что вопрос относится к ней, Юлия энергично замотала головой:

– Нет, я ничего не видела, только что пришла...

Она никак не могла признаться, что все произошло на ее глазах: затаскают по инстанциям, а у нее больной ребенок... даже сейчас она не могла задерживаться, у Ежика уже наверняка закончились занятия, нужно скорее его забирать.

Она протиснулась через толпу, растущую на глазах, как снежный ком, и устремилась к остановке.

Маршрутка пришла быстро, но была набита битком, Юлия еле втиснулась. Кто-то наступил ей на ноги, кто-то задел тяжелой сумкой, кто-то обругал – она молчала, подавленная только что увиденной смертью. Надо же, как бывает – казалось, у женщины есть все. И вот через какой-то миг вместо уверенной в себе, богатой и успешной дамы – только окровавленные тряпки на асфальте.

Юлию передернуло. А она еще позавидовала этой Александре. Точнее, не ей, а машине, поскольку в остальном завидовать там было нечему. Один муж чего стоит. Ой, а он же ничего не знает... Позвонить, что ли, Светлане? Но тут маршрутка остановилась перед Детским центром реабилитации, и Юля забеспокоилась – как там Ежик? Ведь она ужасно опаздывает, занятия давно закончились.

Ее страхи полностью подтвердились. Ежик горько плакал в полном одиночестве в раздевалке. Эта сволочь Лизавета бросила его одного и еще форточку нарочно открыла, а он в одной маечке!

Юлия схватила сына, завернула в свой плащ и стала носить по раздевалке, шепча ласковые бессмысленные слова. Понемногу Ежик перестал плакать, но все еще дрожал и всхлипывал.

– Явилась, наконец! – это Лизавета возникла в дверях и сложила руки на плоской груди.

Так, значит, у нее и занятий нет! Чай небось пила в своем закутке, а больной ребенок на холодном полу без присмотра лежит!

– Вы не имеете права оставлять ребенка одного! – крикнула Юлия. – Я все доведу до вашего начальства.

– Вот как заговорила? – отозвалась Лизавета. – Жаловаться она будет! Да потом-то все равно ко мне приведешь своего дефективного, куда ты денешься!

– Не смейте говорить мне «ты»! – отчеканила Юлия. – Вы на работе, а не на рынке. – И тут же добавила: – Хотя там тебе самое место.

Ежик испуганно жался к ней.

– Не бойся, маленький... – сказала Юлия, – мы больше никогда не придем к этой ужасной тетке, я тебе обещаю. Мы будем ходить теперь в платную группу.

«Если Света выбьет мне аванс», – добавила она про себя.

* * *

Иван открыл глаза и недоуменно уставился перед собой. Где он находится? Посмотрел вверх: потолок как потолок, не слишком высокий, не слишком чистый, в углу желтые пятна.

Он потянулся и сел на кровати. Комната была маленькая, и кровать занимала почти все свободное место. Еще в комнате находился встроенный шкаф и простой стол, не покрытый скатертью. На стуле висел его мятый пиджак, на полу валялись брюки.

Иван прислушался к себе и понял, что совершенно не помнит, как здесь оказался. Он попытался спустить ноги с кровати, но голова вдруг закружилась и все предметы в комнате закружились тоже. Однако от кружения в голове что-то переместилось, сдвинулось, встало на место, и он вспомнил, как сошел с поезда в Петербурге и тетка, удивительно похожая на жабу, сдала ему комнату, надо думать, эту самую. Но почему он не поехал прямо к тете Липе?

Иван посидел еще немного и вспомнил, как ехал от своего города на перекладных, как скрывался от полиции, как его ограбили, как он продал задешево какому-то жулику свои часы и, наконец, с чего все началось – как он вошел в собственную спальню и увидел на кровати свою жену Ирину, мертвую, всю в крови. Когда он вспомнил, как сидел возле трупа жены, голова перестала кружиться и слабость прошла.

Иван встал и прислушался. В квартире было тихо. Он смутно помнил, как ночью ходил на кухню и какая-то худущая девушка с огромными сердитыми глазами кричала на него и грозилась поварешкой.

Он вышел в прихожую. Она была небольшой, но места много, потому что висели только старая вешалка, проеденная жучком, и зеркало – дешевое, в пластмассовой раме, да еще стояла полка для обуви.

Вдоль стен на высоте примерно полуметра гвоздями были прибиты веревочки, которые шли до самой кухни. Иван в недоумении пожал плечами и пошел в ванную. В зеркале отразилась жуткая небритая рожа: волосы растрепаны, на щеке глубокая царапина, глаза красные. Да, такую рожу увидишь ночью – заикой станешь. Иван потянул на себя дверь ванной, но споткнулся о порог, едва не упал и схватился за те веревки. Все мгновенно оторвалось.

– Черт! – Он махнул рукой.

Кран в ванной подтекал, от чего на эмали виднелась отчетливая ржавая полоса. Иван влез в ванну и едва не коснулся головой потолка: с его габаритами ему везде было тесно. Он постоял под горячим душем, намылил голову, поискал мочалку, но на полочке лежали только махровая рукавичка и розовая губочка в виде зайчика. Еще на бортике стоял набор разноцветных утят – пять штук, один другого меньше.

Стало быть, ребенок тут живет. Странно, та жаба ничего не говорила про ребенка. Сказала, что живет одна такая и чтобы он, Иван, с ней особо не церемонился, в общем, был в квартире как дома. Тогда он внимания не обратил, а теперь удивился: обычно наоборот хозяйки предупреждают, чтобы жильцы вели себя тихо, не шумели, не пачкали и ничего не ломали. Ну да ладно, не этот вопрос его волновал в первую очередь.

Иван нашел в шкафчике женский одноразовый бритвенный станок и после недолгих колебаний с трудом побрился. Затем почистил зубы пальцем и понял, что ужасно проголодался. Когда он ел в последний раз? Надо думать, сутки уж прошли. Аппетит у него всегда был отменный, однако на кухне после долгих поисков удалось обнаружить только чай в пакетиках, пачку сахара и окаменелые сушки. Нехорошо, конечно, брать чужое, но он потом отдаст.

Выпив две кружки и съев все сушки, Иван понял: нужно срочно решать, что же делать дальше. Он не может долго отсиживаться в этой квартире, у него и денег нет.

Пересчитав наличность, он убедился, что из двадцати тысяч, вырученных за часы, осталось всего шесть. Десять он заплатил жабе за комнату, что там еще... ага, билеты, штраф в электричке, еще он, кажется, купил где-то по дороге ботинки. Ну да, вот эти, называемые в народе известно как. Все лучше, чем его итальянские, шитые на заказ, на тонюсенькой подошве; в таких только на машине ездить да по паркету ходить. Еще он сменял свое дорогое пальто на неприметную курточку – просто увидел спящего на лавочке сильно поддатого мужика, вытащил у него из-под головы куртку и накрыл своим пальто. Тот только хрюкнул во сне.

Тут Иван рассердился на себя за то, что думает о пустяках, о ерунде, что оттягивает тот момент, когда придется снова окунуться в этот кошмар с убийством Ирины. Снова у него перед глазами встало ее тело со страшной кровавой раной на груди. Кто ее убил? За что? Он-то точно знает, что этого не делал.

Все началось со звонка Александры, понял он, эта заклятая Ирина подруга наговорила ему гадостей про жену. Сказала, что у нее уже несколько месяцев любовник, что Ирина даже собирается бросить мужа и уйти к нему. Иван сначала растерялся и не нашелся, что ответить, тем более в голосе Александры звучало фальшивое сочувствие. «Ах, Ваня, мы сто лет друг друга знаем, ты такой хороший человек, я просто не могу молчать...» Иван только потому не оборвал эту стерву сразу, что поверил ее словам.

Да, он подозревал нечто подобное, потому что в последние месяцы Ирина была на себя не похожа: стала нервной, раздражительной и холодной. Часто Иван замечал, что ей неприятны даже его мимолетные прикосновения. Но не сразу обратил на это внимание: некогда ему было копаться в переживаниях жены, работа отнимала все время. Дела на фабрике шли неплохо, но без хозяйского глаза все, конечно, быстро придет в упадок, хоть там и оставался Борис.

При мысли о компаньоне в душе шевельнулся неприятный червячок, но Иван тут же переключился на Александру.

Итак, она позвонила ему, чтобы напакостить заклятой подруге, это ясно. И чтобы не быть голословной, торопясь, вываливала подробности:

– Ты думаешь, она в прошлом месяце в Питер ездила на консультацию? А вот и нет, с любовником она встречалась! Не была она ни в какой клинике, я точно знаю!

Они с Ириной были женаты шесть лет. Сначала она не хотела ребенка, говорила, поживем для себя, отдохнем, дом отделаем. Иван не торопил, он, как всегда, много работал. Потом возникли сложности, Ирина ходила по врачам, даже его таскала, но сказали, что с ним все в порядке. Жена ездила по курортам и санаториям, поэтому вначале он и не понял, отчего она так изменилась. Думал – переживает, что ребенка не может родить. Оказалось – вот что.

Он молча слушал Александру, а та, почувствовав в его молчании что-то ужасное, испугалась и повесила трубку. Когда приехал домой, Ирина по его виду сразу поняла, что он знает. Разразился скандал. А потом он ушел, чтобы не схватить ее и не трясти как куклу, чтобы не ударить ее... в общем, как бы ни был зол, Иван точно знал, что Ирина была жива, когда он уходил.

Что она могла сделать после его ухода?

Позвонить своему любовнику. Вряд ли пустила бы в дом постороннего, а Иван точно помнил, что захлопнул дверь, когда ушел. Стало быть, любовник ее и убил. А потом сбежал и вызвал полицию, чтобы свалить все на Ивана. Все знают, что самый подходящий подозреваемый – это обманутый муж.

Нужно позвонить Александре и заставить ее сказать, кто же был любовником его Ирины. Она знает, эта стерва все знает...

Иван нашел в кармане пиджака мобильник и посмотрел в темный экран. Давно разрядился, и это к лучшему, вдруг его вычислят?

На кухне валялась трубка стационарного радиотелефона. Иван поднатужился и вспомнил номер Александриной матери. Когда-то давно они и правда близко дружили – он с Ириной и Александра с мужем. Тогда они были молодые, бедные и веселые. Потом Иван открыл свое дело, а Васька, муж Александры, стал попивать, потерял работу и наконец сбежал куда-то из их города, предварительно с Александрой разведясь. После этого Ирина резко прекратила общение с подругой, чему Иван только порадовался, поскольку после развода Александра стала смотреть на него голодными глазами, облизывала губы и норовила ненароком прижаться грудью.

Иван упорно делал вид, что не замечает ее призывов, и, когда подруги, разошлись вздохнул свободно.

Через какое-то время Ирина ненароком обронила, что Александра вышла замуж, кажется, удачно, но Ивану совершенно не хотелось выслушивать подробности.

А вот сейчас номер телефона всплыл в памяти. Ответили сразу: судя по голосу, ее мамаша.

– Александру Костелькову могу я попросить? – не своим голосом спросил Иван.

– Ее нет, а кто спрашивает? – тянула мамаша.

– Это из ГИБДД говорят, – сурово ответил Иван, – машина «опель-кадет» за номером 178 ОУ ей принадлежит?

– Чего? – Мамаша откровенно удивилась. – Какой кадет?

Иван точно знал, чего хочет. Ох, этот грязно-желтый «опель-кадет»! Васька его купил по дешевке, когда-то давно, он и тогда был старый, еле ехал, дребезжа, как ведро с гвоздями. Сколько времени они провели под ним! Потом Иван купил свою машину, а Васька, кажется, по пьяному делу попал в аварию и разбил «кадет» окончательно. После этого они с Александрой и развелись.

Вот теперь и номер в голове всплыл. И его собеседница тоже кое-что вспомнила.

– Да вы что? – заорала она. – Это когда было-то? Она эту рухлядь давно с учета сняла, да ее, верно, уже на металлолом сдали!

– Мы таких сведений не имеем, – сурово прогудел Иван.

– Ну, я не знаю... – мамаша сбавила обороты, – может, вы с ней поговорите? Она вообще-то в Петербурге у мужа живет.

Через минуту Иван записывал телефоны. Фамилия у Александры теперь была Душанова.

Мобильный не отвечал. И вот когда Иван взялся за трубку, открылась входная дверь и та, вчерашняя девушка одной рукой вкатила в квартиру коляску. В другой у нее были два тяжелых пакета. Она поставила их прямо на пол и отвернулась, чтобы запереть дверь. Девушка была худа, а талия, перетянутая пояском плаща, такая тонюсенькая, что Иван мог бы обхватить ее одной рукой, но он не собирался этого делать. Волосы у нее были светлые и свисали беспорядочно на лицо.

В коляске сидел мальчишка – такой же худенький и светловолосый, как мать. Он поднял голову и уставился на Ивана круглыми синими глазами.

– Привет! – сказал Иван.

Девушка отвернулась от двери и вскинула голову. Глаза у нее были большие, только не такие круглые, как у сына. Насчет цвета Иван не разобрал, потому что она окинула его с головы до ног очень неодобрительно. Он осознал, что стоит перед ней голый до пояса и босиком. А что делать? Рубашку он выстирал.

Она наклонилась к сыну и вытащила его из коляски. Мальчишка почему-то опустился на четвереньки.

– Вставай, Ежик! – сказала мать. – Мне сейчас некогда.

Мальчишка не глядя пошарил рукой по стене и, ничего там не найдя, вдруг громко заревел. Когда мать обнаружила, что Иван оторвал все привязанные веревочки, посмотрела на него с самой настоящей ненавистью.

– Чего ты? – Иван опустился рядом с мальчишкой на корточки. – Вставай!

Мальчишка замолчал, как будто кран выключили, сел, обхватив руками колени, и посмотрел на Ивана в упор.

– Ты кто?

– Иван. А ты кто?

– Я тоже Иван, – сказал мальчишка, стараясь, чтобы голос звучал ниже, но все же пустил петуха. – Это мама придумала, что я Ежик. А это у тебя что? – он потрогал сильно развитые мышцы на груди.

– Это мускулы. – Иван напряг руку и показал мальчишке упругий перекатывающийся шар. – Вырастешь, будешь заниматься спортом – у тебя тоже такие будут.

– Здорово! – мальчишка почему-то вздохнул.

Иван с улыбкой оглянулся на его мать и заметил в ее глазах слезы. Наконец до него все дошло – и веревочки вдоль стен, и то, что мальчишка так и сидит на полу, а должен бы скакать и прыгать, да и из коляски почти вырос...

– Я почию, – сказал он. – Тут лучше перила сделать. Есть в квартире что-нибудь подходящее?

Она молча взяла ребенка на руки, отнесла в комнату, потом открыла дверь небольшой кладовки. Там Иван нашел кое-какие инструменты, а также старый деревянный манеж, который быстро разобрал, из решеток получились удобные перильца. Когда он привинчивал последнее, под мышку ему сунулся любопытный нос. Мальчишка притащился в прихожую, очень ловко опираясь на детский стульчик.

– О, брат Иван, так ты, оказывается, вполне сносно передвигаешься!

– Я на море сам ходил! – похвастался мальчишка.

– Ну, давай пробуй! – Иван сделал приглашающий жест.

Ребенок честно прошел вдоль всех перил и сказал, что удобно. Его мать выглянула из кухни, уголки ее губ были печально опущены.

– Мама, как думаешь, может быть, он починит машину? – спросил мальчишка.

– Не знаю, Ежик, вряд ли...

Но сын ее не послушал и через некоторое время выполз из комнаты с коробкой. Машину они с мамой нашли на помойке, тут же сообщил ребенок, кто-то ее выбросил, потому что она не работает. А так она хорошая, радиоуправляемая, должна всюду ездить, и еще огоньки разноцветные, и музыка играет.

Иван разобрал машину тут же, на полу в прихожей, мальчишка не отставал от него ни на шаг.

Юлия скрылась на кухне, чтобы привести в порядок разбегающиеся мысли. Сегодня она просто не узнала этого человека. Чисто вымытое и выбритое лицо, явно недавняя стрижка, мощное, мускулистое тело.

Нет, он никак не может быть уголовником – ни татуировок на теле, ни шрамов. Как он сказал? Не пьет и не колется. Это уж точно. Скорее в зал ходит, такие накачанные мышцы так просто не получатся. В ванной висела выстиранная рубашка – точно дорогой фирмы, костюм, наверное, тоже. Все говорило о том, что мужчина вроде бы не бедный, но отчего тогда снял комнату у свекрови? И глубокая царапина на щеке, и сбитые в кровь костяшки на правой руке... Кто же он? Как бы узнать... Паспорт она видела и теперь точно могла сказать, что документ его. Приехал из какой-то Ченегды... черт его знает, что за город.

Ограбили по дороге? Отобрали деньги и вещи? Так отчего он в полицию не пошел? Отчего не позвонил домой или на работу, чтобы прислали денег? И зачем вообще сюда приехал?

Юлия украдкой посматривала в прихожую, где вовсю кипела работа. Машину полностью разобрали, и теперь Иван сосредоточенно копался внутри, а Ежик сидел рядом и подавал то отвертку, то плоскогубцы, то еще что-то. Глаза его горели, щеки были красными от возбуждения, он беспрерывно что-то лопотал, спрашивал и сам же пытался ответить.

«Ему не хватает общения, – в который раз обреченно подумала Юлия, – ему нужно играть с друзьями, меняться игрушками, обсуждать просмотренные мультфильмы. Он хорошо говорит, развит не по годам, но как же ему не хватает друзей!»

И отца, тут же мысленно добавила она, хотя дала себе слово даже не вспоминать об этом. Как ни крути, а в свое время ей следовало разглядеть Лешку получше. И бежать от него сломя голову. А теперь вот ребенок готов привязаться к первому попавшемуся мужчине, который обращается с ним ласково. И ему все равно, что этот тип может быть преступником или даже убийцей.

На сковородке зашкворчало, и Юлия сосредоточилась на приготовлении обеда. Не хватало еще, чтобы все подгорело!

Наконец из прихожей послышался восторженный визг Ежика, затем грохот и жизнерадостная музыка. Из дверей кухни Юлия наблюдала такую картину.

Ежик, захлебываясь от счастья, в упоении нажимал кнопки на пульте. Машина сверкала и переливалась, пела, играла, переворачивалась, ездилa взад и вперед, сама обходила препятствия в виде огромных мужских ботинок. Иван с улыбкой смотрел на абсолютно счастливое личико ребенка, потом перевел взгляд на мать. По ее щекам текли слезы.

Вдруг ему захотелось поднять их обоих – смышленного мальчишку, не умеющего ходить, и эту измученную непосильной ношей молодую женщину с испуганными глазами... поднять, прижать к себе и больше никуда не отпускать, чтобы исчезли из ее глаз эти страх и обреченность.

Он тут же опомнился – не в его положении об этом думать. Как он может сделать людей счастливыми, если ему грозит тюрьма? Пока что будущее его весьма проблематично и думать нужно о том, как избавиться от своих неприятностей.

С огромным трудом удалось уговорить Ежика оторваться от машины для обеда и сна. Иван съел все, что она приготовила на два дня, и очень извинялся, сказав, что ходит в мага-

зин. К обеду он надел едва высохшую рубашку и выглядел вполне ничего – крупный сильный мужчина. А что ходит осторожно и голову все время нагибает – так это квартиры такие. Одно слово – малогабаритные.

– Мне позвонить нужно, – сказал он, – а мобильник сел. Не бойся, не межгород.

– Да пожалуйста, – она протянула ему трубку.

Ежик заснул мгновенно, так что она вышла из комнаты, прихватив ноутбук. Некогда расслабляться, работа не ждет. Проходя мимо Лешкиной комнаты, она услышала характерное пиканье и голос Ивана. Ох, уж эти тонкие стены...

– Алло, это квартира Душановых? – спросил он. – Александру могу попросить?

Юлия едва не выронила ноутбук. Душанов – это же фамилия директора их издательства. Ну да, Павел Васильевич Душанов. А его жена, стало быть, Александра Душанова. Та самая, которую убили. Убили прямо у нее на глазах.

Юлия приникла ухом к двери. Хорошо, что неплотно прилегает, свекровь в свое время денег пожалела на приличных мастеров, сделали кое-как.

– Александру я могу попросить? – повторил Иван, потому что на том конце раздавались всхлипы и какое-то бормотание.

– Никак нельзя, – послышался наконец ответ, – нет Александры Викторовны и не будет. Звонили недавно, сказали, в аварию она попала.

– Она в больнице?

– Да не в больнице, а в морге! – крикнула женщина. – А больше я ничего не знаю, я домработница приходящая, там хозяин поехал разбираться.

– Ни хрена себе... – растерянно сказал Иван, бросая трубку, и тут же одним прыжком бросился к двери.

– Больно же! – Юлия отскочила, держась за лоб.

– А ты зачем подслушиваешь? – рыкнул он.

– Надо больно. – Она прошла на кухню и приложила ко лбу поварешку. – Ну вот, шишка будет. И не подслушивала я, ты так орал.

– Это у меня голос громкий.

– А тебе эта Александра кто? – неожиданно для себя спросила Юлия, скосив на него глаза.

Вот хоть убей, не могла она представить их с Иваном рядом. Чтобы вполне нормальный мужик увлекся такой стервой?

– Так, знакомая... вот хотел поговорить, а она на машине разбилась.

Значит, все-таки знакомая...

– И ничего не на машине, ее убили!

Произнеся эти слова, Юлия испугалась. Ну с чего ей вздумалось это говорить? Никто не знал, что она видела смерть Александры, а теперь затаскают...

Но было уже поздно, этот тип схватил ее за плечи и прохрипел:

– Говори! Говори, что знаешь! – Впрочем, тут же опомнился и отпустил ее. – Откуда ты знаешь Александру?

Юлия отошла подальше и рассказала, что Александру видела несколько раз в издательстве, а та вообще понятия не имела о ее существовании, и что оказалась свидетельницей ее смерти совершенно случайно.

– Понимаешь, эта машина нарочно на нее наехала. Переулок не такой узкий, там вполне можно было обогнуть. Так они нарочно в ее сторону вильнули...

– Ясно, – пробормотал Иван, – сначала прокололи шину, она сразу не заметила, выехала со стоянки, а потом пришлось остановиться в безлюдном переулке. Все заранее рассчитали. А ты, стало быть, видела и никому ничего не сказала?

– Меня не спрашивали. – Юлия отвернулась. – И вообще, некогда мне было полиции дожидаться, я одинокая мать с сыном-инвалидом, если ты не заметил.

– Заметил, – медленно произнес он, – хороший мальчишка, смысленный... Что с ногами?

– Родовая травма, – не поворачиваясь, ответила Юлия.

– А папочка, значит, сбежал от трудностей?

– Примерно так...

Юлия прижалась лбом к оконному стеклу и почувствовала его руку у себя на затылке. Нужно было тотчас повернуться и уйти, потому что жалость унижает, и вообще, она привыкла сама бороться с трудностями – ей не на кого надеяться, и уж тем более она не собиралась раскрывать душу перед этим совершенно посторонним мужиком только потому, что он походя приголубил ее сына, и тем не менее она замерла под его рукой, и они простояли так до тех пор, пока на пороге кухни не возник Ежик в пижаме и не сказал:

– Дядя Ваня, а машину будем пускать?

Остаток дня Иван был полностью занят играми с мальчишкой. Тот оказался неумомим, даром, что ножки не ходят. Они вдоволь попускали машину, а когда поставили ее на зарядку, ребенок загадочно блеснул глазами и зашептал что-то Ивану, обняв его за шею. Через минуту Юлия увидела, как в прихожую вползает Иван на четвереньках. В зубах его был ремешок, а на спине сидел Ежик в шлеме, который они с Юлией склеили из фольги в прошлый Новый год.

– Но! – кричал Ежик. – Но, лошадка!

К вечеру Иван так умаялся, как будто в одиночку разгрузил два вагона железных болванок. После ужина он ушел к себе и неожиданно заснул.

Проснулся от запаха кофе. Что, уже утро? Нет, за окном темно. Иван втянул ноздрями воздух и понял, что хочет есть. Вчера за ужином постеснялся попросить добавки. Ему, такому здоровому, нужно много еды, значит, нужно самому покупать продукты, а не объедать бедную маму с сыном.

В квартире было тихо, на кухне перед столом горело бра, и Юлия перед компьютером прихлебывала кофе.

– Не спишь? – спросил он, по возможности приглушив голос.

– Работаю, – она откинулась на спинку стула и потянулась, – надомный редактор и переводчик. Платят не так чтобы много, но в моем положении это выход.

Она тяжело вздохнула, и Иван понял, что отец ребенка не слишком ей помогает.

Да что тут спрашивать? И так все видно. И свекровь, вместо того чтобы внука приласкать, подсунула в квартиру жильца. Причем наверняка выбрала Ивана за внешний вид, он тогда был страшнее черта. А если бы и вправду уголовник попался? Ну, жаба и есть. Хотя жабы, наверное, внуков своих любят...

– Слушай, – Юлия повернулась и твердо посмотрела ему в глаза, – я должна знать. Кто ты? Почему тут оказался? У тебя ведь что-то случилось, верно? Я не из любопытства спрашиваю, просто... если что не так... у ребенка никого нет, кроме меня...

– Понимаю... – глухо сказал Иван, – я, наверное, должен уйти. Так будет лучше.

– Нет-нет! – Юлия испугалась своего порыва и закрыла рукой рот.

Тогда Иван решительно встал, прикрыл дверь кухни поплотнее, отвернулся к окну и рассказал Юлии все, что случилось с ним с того самого часа, когда позвонила недоброй памяти Александра и сказала, что у его жены есть любовник, и до того, как, прельстившись на его жуткий вид, подошла к нему на вокзале Юлина свекровь.

«Я ему верю, – думала Юлия, глядя на широкие плечи и мускулистую спину. – Возможно, я полная дура, но я ему верю. Потому что больше не могу так жить. Мне надо хоть кому-то верить, на что-то надеяться. Ну, никак не укладывается у меня в голове, что этот мужчина, которого так полюбил Ежик, способен пырнуть ножом собственную жену. Ерунда. Зачем ему нож? Если бы он захотел, то кого угодно мог задушить собственными руками. А уж про Алек-

сандру я точно во все поверю. Та еще была стерва, это все в издательстве знают. Так что если его жена была на нее похожа, то поделом ей досталось. Как говорится, скажи мне, кто твой друг... Но у него большие неприятности, и я ему помогу, если нужно. Вот так».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.